

АЛЕКСАНДР ИДОЛЕНКОВ

**ИЗ АДА
В ВЕЧНОСТЬ**

Александр Идоленков

Из ада в вечность

«Издательские решения»

Идоленков А. С.

Из ада в вечность / А. С. Идоленков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507486-7

Кровавой поступью дошла Вторая мировая война до Сталинграда, в котором развернулись судьбоносные сражения, влияющие на исторический ход жизни Советского государства. Кроме того, на кон была брошена честь Отца народов! Главный герой повести, будто заслонив своим телом, ведёт нас по местам погибающих товарищей до самой верхушки Мамаева кургана, где сражённый осколками вражеской мины покидает поле брани. Эпическое, монументальное повествование застигнет Вас в ужасе восхищения без прикрытия!

ISBN 978-5-00-507486-7

© Идоленков А. С.
© Издательские решения

Из ада в вечность

Александр Стефанович Идоленков

И живым, и мёртвым героям Сталинградской битвы Второй мировой войны посвящается!

Дизайнер обложки Алексей Идоленков

Корректор Алена Зуева

Редактор Оксана Серёдкина

© Александр Стефанович Идоленков, 2019

© Алексей Идоленков, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-7486-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Художественное повествование о реальных событиях и настоящем человеке – командире пулемётного взвода 284-й стрелковой дивизии, волею военного лихолетья осенью 1942 года оказавшегося в эпицентре грандиозных событий Сталинградского побоища на Мамаевом кургане. Правдивая исповедь очевидца о тех незабываемых событиях. Триста часов, проведённых в сражениях под непрерывным огнём врага, показались адом, выстоять в котором сумели только единицы...

А. С. Идоленков

Высоко в безбрежном ультрамарине неба, слегка разбавленном белилами солнечного сияния, царственно, распластав свои могучие крылья, ни разу не взмахнув ими, безмятежно и величаво, мерно описывая круг за кругом над бескрайней иссохшей сталинградской землёй, в поисках своей жертвы парит одинокий коршун.

Великая русская река Волга с её сказочно обильными зелёными поймами окружена с обеих сторон выжженной всхолмлённой степью. Ни тебе деревца, ни кустика – только красная потрескавшаяся глина да высохшая жёсткая и колючая трава; и вездесущий, пахнущий горечью, раскалённый, иссушающий воздух, превращающийся в дрожащее марево по всей линии горизонта, властно стирающий границы между небом и землёй.

Жуткая тревожная тишина проникает в сознание, сливаясь с фоном всей планеты с пульсацией крови в наших висках, формируя неделимость и умиротворение. В это тревожное напряжение с короткими промежутками времени проникает необычайно тревожный, далёкий, еле слышимый, чужеродный гул, исходящий будто бы из недр разбуженной земли. Война, расползаясь метастазами по всей земле, как злокачественная опухоль, приползла и сюда, за тысячи километров от её зловещих истоков. Это очередной всплеск психоза народов земли, управляемых кучкой безумцев.

Чем пристальнее вглядываюсь я в густую паутину воспоминаний своего прошлого бытия, тем туманнее оно предстаёт и скоротечнее удаляется от моего взора. Предел человека за той чертой, где уже ничего нет! Но я нахожусь ещё здесь, мой уважаемый читатель, и хочу тебе поведать мгновение из своей жизни...

Сталинград стоит на костях миллиона советских людей, павших здесь, защищая свободу и независимость родины в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.!

Я в составе целого взвода младших лейтенантов, выпускников краткосрочных командирских пулемётных курсов Ивановского военного училища, был направлен на сборный пункт города Красноуфимска, что в Свердловской области, для прохождения дальнейшей службы.

Мы прибыли сюда 3 сентября 1942 года к моменту кульминационного завершения формирования моего 86-го пулемётного батальона 284-й стрелковой дивизии под командованием подполковника Батюка Николая Филипповича.

Вооружение уже было получено; личный состав батальона укомплектован почти на 90% и продолжал пополняться новобранцами за счёт скороспелых училищ, выздоровевших в военных госпиталях после ранения бойцов и командиров, призванных из резерва, оставленных ранее по броне. Курсанты, которые не доучились положенный по регламенту срок, отправлялись на фронт с присвоением звания сержанта.

Одновременно пополнением войск новыми претендентами безостановочно занимались многочисленные ускоренные кузницы кадров по всей необъятной стране. Тем более человеческого товара было в избытке, выбор огромен, цена на него – ничтожна мала. Снаряжение для солдата стоило гораздо дороже, его не хватало; часто случалось, что в бой шёл воин без винтовки и на поле боя вооружался за счёт погибшего товарища.

Мясорубка войны вращалась с ускоряющимися темпами, безжалостно требуя всё новые и новые порции человеческого сырья для своей жестокой и бесчеловечной кулинарии. Это напряжённая лихорадочная суэта чувствовалась во всех заведениях, предприятиях, колхозах, не исключая отдельных граждан по всей стране.

9 сентября 1942 года уже с вечера к товарной станции города Красноуфимска стали подтягиваться колонны вновь набранных кандидатов на роль защитников горячо любимого Отечества. В основе своей это были необстрелянные юнцы 18—19 лет от роду, с горящими глазами и открытыми для агитации сердцами. Они склонны были броситься в бой немедленно с обнажёнными руками и зубами перегрызть глотку врагу только за то, что посмел он нарушить мирный труд строителей коммунистического общества в отдельно взятом и единственном в целом мире рабоче-крестьянском государстве.

На станции стоял под парами товарный эшелон, готовый устремиться в путь в любую минуту, как только поступит приказ. И по тому, с какой деловитостью всё здесь проистекало, ждать этого приказа оставалось недолго.

Раннее утро. Солнце будто нарочно запаздывало появиться из-за горизонта, давая военным завершить свою неблагоприятную миссию. Тишину нарушали звуки торопливой суеты возле вагонов железнодорожников, зычные выкрики командиров, лязг металла от неосторожного обращения при погрузке техники и снаряжения в вагоны...

Густой туман окутал ложбины земли пышным покрывалом, создавая причудливое и сказочное явление природы. Небо постепенно светлело, подавая первые признаки зарождения нового дня. Хотя температура была положительной, но под утро стало довольно прохладно. Обильная роса покрыла всё холодными каплями, отчего окрестности стали казаться стальными, седыми и даже туманными, в зависимости от освещения и удалённости. С крыш теплушек свисали прозрачные, как слезинки, капельки воды и, набравшись полноты, отрывались и падали на землю в мокрые ямочки, разлетаясь в разные стороны мелкими брызгами.

В ожидании команды «На погрузку!» не занятые работами бойцы и командиры надели шинели и плащ-палатки, собрались возле вагонов группами, весело переговариваясь. Настроение у всех было приподнятое, боевое – во всём чувствовался настрой перемены своего пребывания и ожидания чего-то нового, неизвестного. Но всё же тревожная напряжённость и недосказанность прослеживалась в лицах и разговорах.

Оно и понятно, собрались ведь они сюда не на карнавал, а на встречу с войной, и войной суровой, таящей неисчислимые угрозы и беды, от чего веяло страхом и жуткой бесчеловеч-

ностью; и хотя ребята умирать не собирались, предчувствие опасности будоражило сознание каким-то внутренним опасением неопределённости.

Смутные представления о войне, заложенные с детства у молодых ребят от искусства и литературы, не шли ни в какие сравнения с рассказами очевидцев, побывших в зоне соприкосновения с врагом и получивших и боевое крещение, и ранения. По всему чувствовалось, что их предупредили не разлагать боевой настрой молодых, необстрелянных и не нюхавших пороха новобранцев.

– По вагонам! – голосисто, с повторяющимся эхом многократного повтора прозвучала команда – и перрон опустел...

Повзводно, без суеты, нас погрузили в теплушки, оборудованные двухъярусными нарами из толстых необработанных досок, покрытых слоем соломы. Эшелон, объятый угольной копотью, медленно, набирая скорость, шумно, с прерывистой пробуксовкой, выпуская клубы густого белого пара, двинулся на запад; – туда, где никак не удавалось остановить продвижение врага вглубь нашей территории. На какой участок фронта нас везут, я тогда не знал и не имел ни малейшего предположения, хотя это меня сильно интриговало.

Разместились в вагоне-теплушке мы сравнительно удобно. Спать было тесновато, но эти мелочи окупались за счёт дневного отдыха. Устроители по переброске войск по железнодорожным путям продумали всё до мелочей. Разделили вагон ровно пополам, расположив в нём два взвода пулемётчиков. В каждом взводе числилось по 20 бойцов.

Вооружение (станковые пулемёты, боеприпасы, карабины), снаряжение и инструменты сложили под нары. Вещмешки с пайками и личными вещами находились на нарах – под головами. Распорядок дня, дежурство, чистота и порядок соблюдались неукоснительно.

Вторую половину нашего вагона занимал второй пулемётный взвод, которым командовал младший лейтенант Иван Иванович Гурза, мой земляк, с которым я учился в школе в деревне Сдесловка, на Брянщине, начиная с первого класса.

За два года до войны, после семилетки, я поступил учиться в педагогический техникум, а он продолжал учиться в школе дальше, чтобы получить среднее образование, поступить в институт и стать журналистом. И откуда у него, деревенского парня, появилось это влечение, все удивлялись, поэтому относились к нему с уважением и обращались не иначе как Иваныч!

Жизнь в перспективе сулила нам прекрасное завтра и предоставляла каждому из нас возможности выбора своего пути в ней, но война уготовила нам совсем другое будущее, о котором мы никогда не мечтали и которое даже не могли предугадать в самом кошмарном и зловещем сне.

В самом начале войны, отстояв длинную очередь, в военкомате мы записались с Иваном Гурзой добровольцами на фронт. Всеобщий воинский зуд, смешанный с патриотическим вдохновением, новизной неизвестности двинул людские толпы к добровольному вступлению в армию. Тем более вышел указ о всеобщей воинской мобилизации. Доброволец или подневольный призывник? Разница очевидна, и виды на добровольца должны быть вполне очевидны. Я по этому поводу тогда не задумывался, думаю, что и мой друг Иван был того же мнения. Мы, совсем неоперившиеся юнцы, шли в армию защищать Родину по велению сердца. В наших жилах бурлила молодая кровь, великовозрастность, лихое время, живой ум и железные нервы, выкованные коммунистической идеологией. Везде и всюду в то роковое время мы не расставались друг с другом, пока война не развела нас по разным направлениям.

До встречи с врагом нам пришлось пережить столько трудностей и невзгод, что война нам казалась лёгким безобидным делом. Я и Иван Гурза попали в один взвод, и по иронии судьбы нас заметили. За нашу стойкость и терпение переносить лишения солдатской доли нас назначили командирами отделений, что прибавило нам трудностей и ответственности.

Нас спешно обучили воинскому ремеслу и, в основном по ночам, перебазировали на запад к линии фронта. Мне казалось, не мы продвигались к фронту, а фронт стремительно

и неудержимой лавиной надвигался на нас. Мы, новички, были в неведении, но эйфория «закидаем шапками» постепенно улетучивалась. На смену приходила суровая действительность трудоёмкой и жестокой войны.

По этому поводу у меня выработалось стойкое мнение: если хотите знать подлинное положение действительности, уберите со своего воображения иллюзию и вникните в окружающие события непредвзятым взором. Хотя иллюзия самопроизвольно рассеется сама по себе после нескольких жестоких уроков жизни, но этот опыт может дорого вам стоить в критический момент.

В моём видении отчётливо прорисовываются отдельные эпизоды становления меня в солдатской обстановке войны. Ночью, голодных и уставших, нас пригнали на позиции и приказали рыть окопы. Никто не спросил о моём самочувствии, не проявил ни элементарной жалости, ни заботы. Уже много раз за последнее время, скрепя сердце, скрываясь, я вытирал мальчишескую слезу, вспоминая свою маму. Она уж точно пожалела и утешила бы меня в трудную минуту. Народ у нас терпелив, не страна, а какой-то дом терпимости!

Это было 8 сентября 1941 года. Утром нам выдали сухой паёк, и мы наконец заморили червячка, то бишь голод. Часов в одиннадцать началась артподготовка противника. Такого ужаса я ещё не испытывал ни разу в своей жизни. Хотелось бросить всё и бежать сломя голову от этого ада. Я сидел ошеломлённый в подкопе своей траншеи и ждал неминуемой смерти.

– Господи, благодарю тебя за спасение! – воскликнул я, взглядываясь в сторону противника после завершения артподготовки.

Неожиданно из-за кустарника я, к своему ужасу, увидел ползущий прямо в мою сторону вражеский танк. Вжавшись в землю, я с трепетом ждал приближающегося немецкого монстра, объятого огнедышащим смрадом, сотрясающим землю лязгом и гасящим всё своей мощью. Какое у меня было чувство, я не помню, только в сознании почему-то промелькнули нотки радости оттого, что окоп мой добротный и глубокий. Здесь я с одобрением похвалил себя, что не пожалел сил и сделал боковой подкоп, в котором в случае миномётного обстрела могу переждать эту смертельную напасть. Этот опыт мне передали бывалые солдаты, которые уже участвовали в сражениях с неприятелем и получили некоторую боевую закалку.

– Салага, слушай старших и запоминай. Полезные советы передаём бедствующим, причём бесплатно! – шутили ребята на полном серьёзе, с суровыми лицами.

– Спасибо, брат! Я как раз мечтаю о рае, поэтому твой совет мне пригодится, я воспользуюсь им незамедлительно.

– Копай поглубже, у нас ты уже второй мечтатель, тот всё мечтал о встрече с Богом, траншею не успел отрыть, так вот сейчас, наверное, беседует с ним с глазу на глаз.

– Отставить разговорчики! – послышался назидательный окрик командира. Это было утром.

А сейчас, при виде надвигающейся на меня смерти, я потерял самообладание. Страх начал вползать в мою захребетную с новой силой, когда стальная машина, грохоча всей своей мощью, находилась в считанных метрах от меня. Я лихорадочно думал, что мне делать. Земля содрогалась от рёва работающего двигателя чудовища. Чем защититься? Жизнь моя висела на волоске от смерти. И что удивительного, винтовка моя, это грозное оружие и моя защитница, в бездействии стояла в подкопе, да и чем она мне поможет против этого монстра? И в тот решающий момент я воспрянул, вспомнив о гранате, которую мне вручил сержант, когда кто-то завопил: «Танки!»

В считанные секунды танк тенью своей полностью накрыл меня. Краем сознания я даже почувствовал нежный холодок этой тени. Правая гусеница неподвижно лежала менее чем в метре от меня, по тракам которой катились огромные грязные колёса. Я, подчиняясь какому-то механическому инстинкту, выдернул чеку гранаты и положил её на трак, а сам с невероятной быстротой юркнул в подкоп траншеи, но получилось не так быстро, как я предполагал.

Время как искра чиркнуло в моём сознании, прежде чем я услышал сухой треск взрыва гранаты и неожиданный толчок торможения танка, грузно заваливающегося на правый борт. Танк сошёл с гусеницы, его развернуло, и взрыхлённая земля неудержимым потоком рухнула в мой окоп, засыпая меня живьём в моём подкопе. Я сообразил и спиной закрыл вход, не давая таким образом похоронить себя заживо. Воздуха вполне хватало для дыхания, но длительное время находиться в подкопе я не мог.

В моём подземелье было тихо и даже до некоторой степени комфортно. С поверхности земли доносились ко мне бубнящие расплывчатые звуки. Я попробовал разгрести землю и едва не потерял сознание, так как острая боль пронзила всё моё тело. С трудом, напрягая силы, я поборол её. Отступая, боль сконцентрировалась в левой ладони руки. Ощупав её, я обнаружил ранение ладони. В темноте мне не удалось определить характер повреждений, поэтому во избежание потери крови я достал из вещмешка бинт и туго перевязал рану. Все эти манипуляции сопровождалась мучительными болезненными страданиями, которые я с трудом переносил.

Между тем время шло и мне стало трудно дышать; прижав раненую руку к телу, правой здоровой рукой я стал загребать землю от головы в подкоп. Порой падающие комья земли задевали больную руку, вызывая во мне стоны от невыносимой боли. Вперемешку между болевыми стонами я обращался к Богу с просьбой о помиловании:

– Господи, чем я тебя прогневил? Разве что каялся с горем пополам и забывал об этом? Так прости ты меня, грешен, исправлюсь...

Боженька меня не оставил и на этот раз. Боги не люди, у них свои принципы о нравственности и милосердии.

Задышавшись от удушья, теряя последние остатки сил, как в бреду, я продолжал выбираться из своего заточения, не забывая при этом подтягивать вслед за собой и свою винтовку. В памяти, несмотря ни на что, как заноза под ногтем, звучал приказ: «Потеря оружия карается военным трибуналом». Как только последним усилием воли я потянул винтовку, пласт разрыхлённой земли сполз неожиданно в траншею, частично освободив мою голову от завала.

Закрыв глаза, я стал усиленно дышать, широко раскрыв рот, воздухом с примесью войны. Перед нашими окопами – там, чуть подалее, и здесь, совсем близко, – дымились танки и бронетранспортёры, наши и вражеские. Погибшие солдаты лежали группами и поодиночке в тех позах, в каких их застигала смерть. Вцепившись друг в друга, они умирали, до последнего вздоха люто ненавидя противника.

На броне танка, который я вывел из строя, из башни свешивалось тело мёртвого вражеского танкиста, так и не успевшего убежать к своим. Я с любопытством глянул на гусеницу танка и увидел оборванный трак от взрыва моей гранаты. Рядом, как раз под свисающим убитым танкистом, валялся его пистолет. Подобрал оружие врага и прихватив его документы в качестве доказательства, я услышал жалобный призыв раненого бойца. На бруствере окопа лежал молоденький младший лейтенант. Он истекал кровью. Его правая рука чуть выше локтя была перебита осколком мины и болталась как плеть. Я отыскал обломок дощечки от разбитого патронного ящика, туго перетянул мышцу выше раны и прибинтовал дощечку, чтобы сделать устойчивое положение руке. Лейтенант всё время слёзно звал свою маму, когда мне удалось закрепить руку на перевязь, он затих. Но дрожь в его теле говорила о том, что ему очень больно.

– Товарищ младший лейтенант, я помогу вам добраться до санчасти.

– Помогите мне, боец, у меня нет больше сил переносить это.

Я взял своей здоровой рукой лейтенанта за талию, а он оперся на моё плечо, и мы медленно побрели на восток. На этот раз наши войска успешно прорвали линию обороны противника, и нам ничто не помешало благополучно добраться до цели. Благодаря младшему лейтенанту меня, как сопровождающего, погрузили в машину, и мы уже через несколько мучительных часов оказались в прифронтовом госпитале. Ранение моё оказалось пушечным: оскол-

ком моей же гранаты ладонь моей руки была раздроблена, а безымянный палец и мизинец полностью утрачены.

Таким образом, военная эпопея моя на том этапе была завершена. Но повоевать нам всё же удалось, но не в тот раз, а совсем в другом месте и иное время. В тот раз сражение под Ельней было прелюдией и совсем незначительной, благодаря которой я понял суть этой жесточайшей войны и мою роль в ней, на чьих плечах завоёвываются победы, слава и честь. И чья кровь бесславно лилась немереными мерами.

Пятнадцать дней, которые я провёл в госпитале, не прошли для меня, как говорится, даром. Госпиталь располагался в Подмосковье, народ там культурный, что само по себе обязывает быть в соответствии, поэтому я кое-чему научился в отношении своего этикета. Там же, в госпитале, я неожиданно, на процедурах, встретился со своим другом Иваном Гурзой. Он, оказывается, был ранен в том же бою и тоже легко, и попал в госпиталь только утром следующего дня. После выписки нас наградили медалями «За отвагу» и дали месяц на реабилитацию. Ехать нам было некуда, Брянск, наша малая родина, был оккупирован врагом, и мы отправились в военкомат и предложили свои услуги. Свободных людей нигде не хватало, и нам с радостью предложили работу в качестве писарей по оформлению ополченцев и подразделений для действующей армии.

Месяц пролетел незаметно, и за наши самоотверженные «заслуги» военком направил нас с Иваном учиться в Ивановское военное училище на краткосрочные курсы, предугадав в нас достойных защитников Отечества, в качестве будущих офицеров.

Время учений прошло. И вот мы, уже офицерами, вновь отправляемся на фронт. Что нас там ждёт, какие испытания и останемся ли мы живы – эти мучительные вопросы были замурованы в нашем подсознании, о которых никто не знал.

Иван страстно любил читать. Он отдавал этому увлечению всё своё свободное время. Книга была постоянным его спутником. Его феноменальная память являлась для меня загадкой – одного взгляда или фразы было достаточно, чтобы это зацепилось в его памяти. Куда бы он ни попал, первым делом он интересовался наличием книг и, обнаружив что-то заинтересовавшее его, прилагал все свои способности, чтобы заполучить желаемое. Его вещмешок наполовину заполнен той литературой, которую он изучал в свободное время. Такая у него необычная натура, он не видит смысла жизни без этого. Поэтому всё, что окружало его, разжигало его любопытство, он вникал в детали, разбирая на отдельные элементы, выделяя главное, причины и взаимосвязь.

В эту суетную ночь, да и во все прошедшие дни, я не имел возможности хорошо отдохнуть, вследствие этого усталость накапливалась во мне многослойно как снежный ком; я ходил как морёная муха, валился с ног, погружаясь в сон при малейшей возможности. Разостлав плащ-палатку на нары и улёгшись на правый бок, мгновенно впал в забытё. Спал я долго, наслаждаясь чудесными снами, не чувствуя ни шума, ни возни, ни длительных остановок в пути. Меня убаюкивал мерный перестук железнодорожных колёс; безмятежная юность, отличное здоровье и время, уносившее нас всё дальше и дальше от мирного бытия в неизвестном направлении.

Жизнь в вагоне между тем шла своим чередом, как и положено у молодых здоровых ребят, необременённых трудовой повинностью. Красноармейцы сближались по признакам родственных душ, становились друзьями и неразлучными товарищами, рождались близостью человеческого тепла, что крайне важно в боевой обстановке. Дружба и взаимоуважение не должны путаться с требованиями долга, дисциплины, доходить до фамильярности и панибратства. Человеческие симпатии и дружба должны базироваться на уважении человеческого достоинства. Война давно наложила особый отпечаток на всю жизнь каждого человека и заставляла спланиваться вокруг лидера, которым обязан быть командир.

Я неназойливо и непринуждённо сближался со своими подчинёнными, на первых порах приучал их относиться к себе с доверием, имея небольшой опыт солдатского общения в военное время, которое было в большей степени дружеским, без формальностей, имело настораживающую невидимую грань соприкосновения командира и рядового состава, но смягчалось неизбежностью деловых, служебных и должностных отношений. Имея достаточное количество времени в пути следования эшелона, я знакомился с каждым бойцом персонально в непринуждённых разговорах. Большое значение я придавал общению в групповых беседах, которые велись на нейтральные темы, шуткам, воспоминаниям о прошлой жизни, в которых подлинно раскрывалась душа и характер рассказчика. Учитывая мою молодость и жизненную неопытность, пожилые бойцы, я это чувствовал, относились ко мне снисходительно и смотрели на меня с отцовским умилением. Я воспринимал это как должное и делал вид равноправного собеседника.

Люди были разные, а личность, как известно, это единственность, впитавшая в себе комплекс слагаемых от окружения, генных данных от природы и родителей. И все эти судьбы и характеры мне нужно было по возможности объединить и сплотить в единый, дружный и управляемый коллектив для совместной борьбы с врагом. Особое внимание я уделил командирам отделений и своему помощнику командира взвода.

Во время движения в дневное время бойцы раздвинули широкую вагонную дверь теплушки, уселись на пол, свесив ноги из вагона наружу, с тоской наблюдали за мирным трудом крестьян на колхозных полях.

Все бойцы и командиры ехали к фронту с одной твёрдой уверенностью – покарать врага, так, по крайней мере, думали большинство из нас. Но душа, как кровоточащая рана, не давала покоя щемящей тоской по прежнему свободному укладу жизни: потеря вольности, дорогих и близких, родных и любимых людей и всего того, что тебе нравилось, к чему ты привык и стремился, и что ты любил.

А там, за пределами вагона, проносилась обычная, каждодневная жизнь; как всегда в Советском Союзе, развернулась нешуточная битва за уборку высокого урожая зерновых, овощных и всего того, что созрело к этому времени. Иногда колхозные поля подступали совсем близко к железнодорожным путям; солдаты весело пели свои строевые песни, обнадёживая колхозниц в скорой победе над врагом; девушки, смущённо улыбаясь и осмелев, бросали им в вагоны полевые цветы; едущие на фронт ребята в ответ посылали воздушные поцелуи; пожилые женщины и матери, сыновья которых тоже были на фронтах, стояли и рыдали, прикрывая концом платочка рот, а свободной рукой робко помахивали ладонью, провожали ребят, словно родных детей, близкого человека в неизвестность.

Эшелон продвигался медленно: по пути, следуя друг за другом, к нам присоединилось восемнадцать железнодорожных составов. Перемещалась вся 284-я стрелковая дивизия, подбирая на своём пути вновь сформированные подразделения в различных населённых пунктах страны. Здесь были бойцы разных возрастов: и снятые с училищ курсанты, и призывники – молодёжь, и выздоровевшие бойцы из госпиталей, и ветераны, воевавшие на полях даже Гражданской войны.

Фронт был далеко, вследствие этого опасений налёта вражеской авиации не предвиделось. В мирной жизни почти ничего существенного не произошло, разве что появились очереди в продуктовых магазинах, на улицах стало меньше людей, болтающихся без дела, поубавилось молодых возрастов мужского населения, да лица, почитай, у всех людей стали напряжённые, озабоченные и тревожные.

Возле Казани – столицы Татарстана – наши воинские эшелоны надолго задержались – пересекали матушку-Волгу на противоположный берег. Здесь нас накормили, впервые за много дней пути, горячим обедом с настоящим хлебом.

Дальше наш путь пролегал через областной центр – Пензу. Остановка была длительной, но личному составу запрещалось далеко отлучаться от эшелона, видимо, боялись, что некоторые солдатики, оторванные от маминой юбки, сильно соскучились – разбегутся. За время остановки с воинских складов Пензы доукомплектовали дивизию материальной частью, удовольствием и заменили обмундирование личному составу.

До этого дня я носил солдатскую форму и вот теперь наконец получил новейшую офицерскую форму, в комплект которой входила зелёная английская шинель. Как я был доволен и счастлив, получив свои новые хромовые офицерские сапоги! Это была мечта, можно сказать, всей моей юности, которая только что сбылась при столь трагических обстоятельствах времени. Я постоянно, пока учился в военном училище, ходил и бредил ими. «И вот мечта идиота наконец сбылась», – думал я, улыбаясь нахлынувшим чувствам меланхолика. Я боялся снимать их во время сна, опасаясь, что украдут, поэтому спал не разуваясь. С большим удовлетворением я снял с себя старую солдатскую форму, и, переодевшись в офицерскую, я, право, словно преобразился. Я не узнавал себя не только внешне, но и внутренне: я повзрослел, в душе стал более ответственен и даже рассуждать стал более, казалось мне, благоразумно и представительно. Этому преобразению в себе я был не подготовлен и не мог понять, откуда всё это появилось во мне, поэтому этим способностям, открывшимся так неожиданно во мне, порадовался больше всего. Я ходил и чувствовал, что вместе со мной весь белый свет обновился.

После того как наш эшелон тронулся в дальнейший свой путь, я заметил, что другие эшелоны ни впереди, ни позади нас больше не следуют. Отсюда я сделал вывод, что линия фронта где-то рядом, поэтому в целях безопасности и конспирации эшелоны рассредоточились. Это моё открытие меня немного напрягло. Я не стал делиться ни с кем своим открытием, даже с Иваном, который всю дорогу читал книги.

Всё время пути командованием батальона непрерывно проводилась работа по укомплектованию кадрового состава. С начала службы в батальоне мы, офицеры, были назначены временно исполнять обязанности определённой каждому из нас должности. И вот только сегодня нас утвердили приказом по батальону на должность, закрепили за каждым офицером личный состав и вооружение с имуществом.

Меня назначили командиром 1-го взвода 1-й роты 86-го отдельного пулемётного батальона 284-й стрелковой дивизии в звании младшего лейтенанта.

Каждый пулемётный взвод батальона состоял из трёх расчётов – отделений. В отделении числятся шесть бойцов. Командир отделения – сержант, первый номер – наводчик, второй номер – помощник наводчика и три солдата – подносчики патронов. Командир взвода – офицер, помощник командира взвода – старший сержант. Полный комплект личного состава пулемётного взвода составляет двадцать воинов. В каждом расчёте числятся в наличии станковый пулемёт «максим», красноармейцев вооружают карабинами без положенного для этого вида оружия штыка, командир взвода вооружён пистолетом марки типа ТТ.

Питание у бойцов всё время следования на железнодорожном транспорте было плохим, но вот после пополнения продовольственных запасов батальона в Пензе заметно улучшилось. Появился свежий хлеб вместо сухарей, стали выдавать консервы мясные и рыбные, сахар и табак. Горячих блюд не было, хотя на платформах, все видели, стояли походные кухни. «Знать, командиры не хозяйственники, а жаль – придётся поголодать и в дальнейшем от таких управленцев», – думал я.

По названиям железнодорожных станций мы узнали, что прибыли на сталинградскую землю, и нам сразу стало ясно, где придётся драться с ненавистным и яростным врагом.

Погода здесь совсем не такая, как у нас на Брянщине: непомерная духота, от которой пот покрывает всё тело испариной, отчего оно чешется и шелушится, поведёшь рукой по груди – и катушки скатываются валками. Давно мы не купались и сильно запаршивели. Дышать нечем, поэтому трудно – горло пересыхает, постоянно хочется пить, а воды нет. Фляжки, наполненные

водой на станциях, быстро нагреваются и также быстро становятся пустыми в связи с чрезмерно обильным употреблением воды, но облегчения это не даёт, влага сразу же выходит через кожу в виде потоотделения.

Станции и посёлки встречались очень редко, то, что бросилось нам в глаза, это большое скопление раненых, которые группами и поодиночке, некоторые с большим трудом, брели по пыльным дорогам к железнодорожным станциям. Никакой помощи и участия в их положении им никто не оказывал. Они, казалось, были брошены на произвол судьбы, как отработанный материал. Это открытие больно резануло меня по живому сознанию, да и не только меня, я видел грусть и недоумение бойцов, едущих вместе со мной на фронт.

На подъезде к городу Камышин нам выдали дополнительный сухой паёк на ближайшие двое суток. Следом за этим, не доезжая города километров пятнадцать, на перегоне Петров Вал нас высадили из вагонов в голой степи, где признаков человеческого жилья не наблюдалось. Глинистая беловатая почва и торчащие, как островки, меловые возвышенности. Этот ландшафт мне показался своеобразным и в корне отличным от наших мест.

Батальон построили в колонну по четыре, командиров рот вызвали к командиру батальона. После короткого совещания командиры рот прибежали к своим подразделениям и вызвали к себе командиров взводов. Суетливая, никому не нужная беготня отнимала время, но создавала видимость деловитости и строгой регламентации армейского порядка.

Я допускаю, что эту блажь можно претворять в жизнь в мирное время, но в военное – извините, это уже преступление: каждая секунда чревата людскими жизнями, и довольно многими. Пока наши отцы-командиры развлекались в служебной субординации и рвении, солдатики понуро стояли под палящими лучами южного солнца.

Наш командир роты, лейтенант Топчиев, так же, как и я, побывавший ранее на фронте, похоже, придерживался моего мнения. Он выслушал доклады прибывающих командиров взводов, распорядился:

– Здесь наш путь, товарищи офицеры, на железнодорожных колёсах завершается, приказываю выгрузить из вагонов имущество и вооружение. Установить тело пулемёта в станок и поручить их первому и второму номеру расчёта. Щит пулемёта, коробки с патронами и инструмент распределить между тремя подносчиками патронов. Строго предупреждаю каждого из вас, командиров взвода, о личной ответственности за эту операцию. Персонально каждому после разгрузки вагона проверить чистоту и отсутствие забытого в нём имущества. Задание ясно? Приступить к выполнению приказа.

Хорошо отдохнувшие бойцы за время длительного переезда, можно сказать, застоялись. Выгрузка пошла быстро, без суеты и задержек, с точными установками командиров, при внимательном наблюдении политработников и под зорким надзором работников госбезопасности. Они-то здесь зачем, не уж шпионы есть среди нас? Аж дрожь прошла по коже на спине. Не только мне, но многим в батальоне почудилось нездоровое недоверие.

Пулемётный батальон замер, выстроившись в маршевых колоннах для движения, в ожидании команды. За час с небольшим до нашего прибытия на станцию здесь прошёл проливной непродолжительный дождь. Он основательно прибил пыль, оставил небольшие лужицы, на глазах впитывающиеся в потрескавшуюся от жары землю, выделяя тёплый пар, освежил воздух и поднял настроение людям, страдающим от зноя.

После некоторых предварительных распоряжений поступила команда, и батальон уверенно и бодро двинулся к городу Камышин. Обедали мы в вагонах ещё во время движения, поэтому шли без остановок до вечера. Песен на марше от нас почему-то не требовали. В воздухе слышались то ли отдалённые слабые раскаты грозы, то ли, как поётся, «эхо пришедшей войны».

Небо по-прежнему было хмурым; грязные низкие облака медленно ползли над землёй, покрытой меловыми холмами; изредка из туч падали редкие, крупные капли дождя. Дул сла-

бый южный ветер, в его порывах ощущались горячие струи воздуха, которые обдували посуровевшие, обгорелые лица солдат.

Потому как мой взвод номер один в первой роте, то и шли мы первыми, задавая ритм движения всему батальону. Этот марш командование решило приблизить к боевым условиям. Часов в восемнадцать зычно, с неоднократными повторами, мы слышали команду «Боевая тревога!» Личный состав, как и положено в таких случаях, бросился врассыпную прятаться кто куда может, рассредотачиваясь во всевозможных укрытиях. Справа от дороги было ровное убранное арбузное поле, слева невысокие меловые холмы.

Команда оказалась учебной, поэтому поступила команда «Отбой боевой тревоги». Командир роты, лейтенант Топчиев, приказал мне выбрать среди этих природных ландшафтных нагромождений земли место создания укрепрайона роты для оказания отпора мнимому противнику. Чем он руководствовался, отдав мне такое приказание, я тогда не знал, но, когда услышал, что точно такое же приказание получили и другие командиры взводов, понял – проверяются наши способности правильно ориентироваться на местности и безошибочно выбирать правильные места линии обороны. Выбрав, на мой взгляд, удобную позицию, я доложил командиру свои соображения. Он спросил, чем я руководствовался, выбирая именно этот участок. Я ответил просто и лаконично, по-военному:

– Взвод имеет круговой обзор и находится в компактном положении.

– Скученность в одном месте всего личного состава взвода может привести к его уничтожению от миномётного поражения. Нужно обращать особое внимание на возможное место нападения противника и всегда в противовес этому искать более выгодную позицию, чтобы обороняться с наименьшими потерями и обязательно одержать над ним победу. Всегда необходимо просчитать все варианты исхода сражения с врагом и в случае поражения иметь запасные пути отступления. А у вас всё плохо. Лучшие результаты у командира второго взвода младшего лейтенанта Гурзы. Я советую вам разобрать его позицию и запомнить на будущее, как строить оборону.

Делая мне эти замечания, он внимательно всматривался в окружающий ландшафт и сразу же предложил свой вариант, зная заранее, что возражений не будет, хотя, возможно, и ждал их. Я же был уязвлён, но урок принял на заметку, правда, в будущем я понял, что числюсь у командира как слабый командир взвода.

Место для расположения взвода, учитывая замечания ротного командира, определено, я сделал распоряжения относительно каждого расчёта, и работа по рытью окопов закипела. Уставшие, после длительного, весьма утомительного перехода, солдаты рыли твёрдую землю, как я заметил, без особого энтузиазма, заранее зная, что работа эта ненужная и завтра утром будет оставлена.

Натруженное за полный утомительный день багровое солнце неспешно погружалось в мягкий, словно постель, слегка розовато-сиреневый горизонт. К этому моменту окопы были откопаны в полный человеческий рост.

Изнеможённые красноармейцы, наскоро закусив на ужин сухим пайком и запив нагретой водой из фляжек, по команде выстроились на вечернюю поверку. Я по списку проверил наличие своих бойцов и доложил командиру положение дел во взводе. Несмотря ни на что, дисциплина важнейшая часть жизни в армии. Не будет дисциплины – наступит анархия. Вместо армии, будет неконтролируемая толпа граждан, которая неспособна выполнить боевые задачи.

Мои ребята, с которыми я прожил несколько дней вместе, узнал их, сдружился, перенёс столько невзгод и радостей, стали мне родными и близкими людьми. Вид их уставших тел, разбросанных во сне в различных позах: кто на дне окопа, кто примостился спиной к бугорку или стенке отвала, а то и просто лёг на мягкую, выброшенную из окопа землю – вызывал во мне неподдельную жалость и сострадание. Я не стал искать причины моей чувственности. Они были явно на виду – мне самому не хватало заботы, материнского тепла и ласки. В этой

вынужденной оторванности, в этих мучительных, жёстких и непривычных условиях, по причине нападения фашизма на нашу Родину, рождались чувства сплочённости и родства душ.

Ненависть к врагу незримо наполняла всю мою сущность. Она проникла во все клетки организма и присутствовала в них постоянно, невзирая на наши дела. Эта ненависть, из-за которой нам приходится находиться здесь, испытывать эти неудобства и ожидать худшего, возможно и гибели, постоянно поддерживала боевой дух и твёрдую убеждённость. Все мы были настроены негативно ко всему этому, но понимание того, что без этого не одолеть это зло, вынуждало нас мириться с данными невзгодами и лишениями. Враг, породивший это коварство, уже сейчас, в моём сознании, был приговорён к уничтожению без всяких снисхождений и жалости.

Ночи на юге обычно душные и томные, природа сегодня смилостивилась и явила собой прохладную, благоприятную среду для отдыха утомлённым воинам, и будто нарочно одарила нас возможностью восстановить утраченные силы и напомнить о прелести земного бытия перед суровыми опасностями, с которыми нам предстоит встретиться уже в ближайшие дни.

За ночь небо очистилось от спасительных туч. Возшедшее солнце сразу же включилось в исправление оплошности, допущенной матушкой-землёй по смягчению жары, и одарило нас своим ласкающим нежным теплом, которое незаметно стало перерастать в невыносимую духоту.

Рядом с нашим потешным укрепрайоном раскинулась обширная арбузная бахча. Урожай был убран, но кое-где среди усохших арбузных плетей виднелись маленькие, величиной с кулак, арбузята. Многие из них уже переспели, но мякоть была красной и сладкой, они были вполне пригодны в пищу, тем более многие парни батальона были родом из северных территорий России – они вообще видели эту ягоду впервые, и она для них была в диковинку.

Как-то само собой вышло, а может быть, и специально, но солдаты беспрепятственно разошлись по обширному полю в поисках арбузов. Хватило всем – наелись вдоволь. Некоторые запасливые, хозяйственные ребята, глядя друг на друга, не считаясь с тяжестью поклажи, наложили в свои вещмешки по самую завязку этих арбузят, выбирая крупнее, в качестве воды и еды в дорогу.

Ровно в восемь часов батальон построили, сделали перекличку и маршем двинулись дальше по направлению Камышина, который через некоторое время предстал перед нами во всём своём зелёном убранстве, как нарисованный на картинке.

Я иду и думаю, почему командование батальона, рискуя своей репутацией и положением, позволило так расточительно транжирить драгоценное время. Может, это хорошо продуманная умная тактика морального и тактического соображения? Во-первых, это было время положенного завтрака, а в последующем в случае обнаружения противником такой крупной боевой единицы произошло бы боевое крещение с наименьшими потерями, так как укрытия могли способствовать этому. С другой стороны, командиры знают, куда идут эти молодые ребята, и не дай им этих минут радости, они могли бы потерять больше. И может быть, ряд других очень важных критериев, которых я, по своей молодости и наивности, ещё не знаю, повлияли на их решение. Но этот поступок был очередным наглядным уроком мне, будущему командиру. Мне приятно осознавать, идя впереди всех, что командир батальона старший лейтенант Охлопков решил эту проблему таким гуманным и просто человеческим образом.

Становилось жарко. Вода давно закончилась, в горле пересохло, шагать становится всё труднее. Вот здесь, кстати, нас и выручили арбузы.

Очень короткий хобот – дуга пулемёта – мешает движению, приходится тащить пулемёт в полусогнутом состоянии, делая короткие шаги. Тело быстро устаёт, колёса станка постоянно наезжают на ноги, бойцы, ругаясь, спотыкаются. Создаётся суতোлка, отражающаяся на скорости движения колонны. На привале я приказал удлинить хобот, привязав два куска дерева достаточной длины, чтобы свободно тащить пулемёт. Это маленькое новшество заметно улуч-

шило положение, ситуация была ликвидирована таким простым решением, и ускорило продвижение. Мой опыт быстро передался всем взводам батальона. Никто меня даже и не вспомнил, что сильно задело моё неокрепшее самолюбие. Только командир роты лейтенант Топчиев поблагодарил меня от имени солдат и сообщил:

– Эта рационализация в войсках давно известна, но в мирное время её никто не использовал, потому что действовала поговорка: «Чем труднее в учении, тем легче в бою»; вот и создавали трудности отцы-командиры по натиранию мозолей на пятках солдат.

Наконец мы оказались на окраине города Камышина. Он расстроился на меловых возвышенностях, укрытый зеленью обширных садов. Мы вступили на немощёную грязную улицу, по обе стороны которой за заборами ютились частые постройки различных калибров, но все довольно жалкого вида и очень маленькие. Я удивился тогда, почему так? Земли у нас такое огромное количество, а людям не дают. И так везде – теснота и скученность. Что это: жадность или глупость? А может, это политический расчёт правящей партии: не пущать и не давать, всё зависит от нас? И не приведёт ли это... На этом месте я наступил ногой в яму и чуть не упал: «Смотреть надо под ноги, чтобы не сломать себе роги!»

– Вот это правильная мысль, – сказал я себе вслух и ужаснулся такой крамоле!

Навстречу нашей колонне ехала телега, запряжённая гнедой кобылёнкой, управляемая слегка подвыпившим мужичком, шедшим сбоку, придерживаясь за рваные, связанные не одним узлом вожжи. Телега была нагружена до самого верха трупами наших бойцов, умерших в госпитале. Трупы были без одежды, в грязном белье, некоторые в одних кальсонах, навалены небрежно, как попало. Поверх тел покойных свисал наброшенный замусоленный небольшой брезент. От неожиданности возмущённые красноармейцы замедляли движение в полном недоумении. Поражённые невиданным, можно сказать, диким варварством над телами погибших героев, они спрашивали у возницы:

– Куда же ты их, батя, в таком непристойном виде?

– Куды, куды. Ясно дело, на исповедь к Господу – на братское кладбище, мил человек.

– Почему ж в таком неприглядном обличье-то? Почему ж... не в гробах?

– Им, бедолагам, таперича без разницы, чай, живым нечего одеть. А гробов... где ж их набраться. Им, ребятки, почитай, повезло. Рассказывают, в Сталинграде улицы завалены трупами, никто их тамочи и не хоронит. Жарища вона какая, сами, чай, видите, вони от них, рассказывают ачавидцы-бежанцы, не продохнуть...

Я был обескуражен и подавлен безразличием и пренебрежением местных властей. Люди заплатили своей жизнью и взамен получили такую чёрную неблагодарность?! С кого же спросить, кого привлечь?

Вопрос остался висеть в воздухе, запечатлевшись полыхающими буквами в наших юных сердцах. Мириться я не собирался, но выхода не находил – какой-то страх удерживал нас от открытого бунта в окаменевшем подавленном состоянии. Система сразу раздавит, если кто пикнет. Ну, может, и накажут виновных, но, чтобы найти их, нужно время. А оно у меня есть? Не исключена возможность, что завтра и меня постигнет та же участь. Но люди, жители Камышина, наблюдающие за этим варварством, почему молчат? Видно, тоже боятся. Всем хочется жить! Время на расправы нынче как раз подходящее.

И пока проходила колонна батальона – взвод за взводом, рота за ротой – все видели, как будут поступать с их мёртвыми телами в случае их гибели, и каждый боец думал о своём и делал выводы. Слышались отдельные возгласы недовольства, но до бунта дело не дошло, и не дойдёт, пока партия держит народ за глотку.

Я невольно примерял увиденное к своей судьбе, и возмущение постоянно возрастало с каждым новым случаем вопиющей безнравственности и глухого безразличия властей к простому народу. Моё самолюбие уязвлено до такой степени такими явлениями жизни, что при

каждом появлении нового эпизода, коих встречалось на каждом шагу – уйма, впадаю в бессилие. Доколе всё это будет продолжаться?

Эта удручающая картина настолько ошеломило моё воображение, что я долго не мог забыть её. И только увиденное в Сталинграде вернуло моё безумное состояние в равновесие.

Ввиду опасения бомбардировок города остановки в Камышине мы не делали, а быстрым темпом обошли его северными окраинами и остановились у кромки Волги. Здесь, по всему, мы были не первые и, видимо, будем не последние. Везде и всюду в укромных местах замечались «культурные» остатки жизнедеятельности человека разумного.

Нас без промедления посадили на баржи и переправили на левый берег. Сразу за берегом, после узкой полосы растущих кустарников, простиралось обширное просяное поле. Просо уже сжали, и оно лежало на просушке в снопах. После того как выкопали окопы, дали отдохнуть. Те, у кого в вещмешках было что пожевать, лежали и отдыхали.

Другие, кто успел съесть все пайки, растирали просо и пытались сварить просяную кашу. Отделение шелухи от зёрен – процесс тяжкий и трудоёмкий, поэтому многие попросту натёрли проса в вещмешок и потом жевали целое зерно и выплёвывали шелуху. Кушать хотелось, но ничего не было, и эта горьковатая жвачка создавала впечатление пищи и отвлекала сознание от действительности голодного прозябания.

Нам всё время внушали мысль, что солдат должен переносить все тяготы и лишения солдатской жизни, выживать в невыносимых условиях и выйти победителем. Вооружённые этой идеей, вбитой нам в головы сразу после того, как мы попали в армию, марксистско-ленинской идеологией, молодые солдаты, в том числе и я, никогда явно не роптали. Мы делали всё для её торжества, подразумевая, что партия в ответных ходах идёт нам навстречу. Бессмертная партия постоянно думает о нас: и денно, и ночью. Нам остаётся только верить и идти по стезе, предначертанной великим вождём! Мы слепо верим и следуем его указаниям, затянув ещё туже пояс, помня, что будущие поколения советских людей будут жить лучше.

Я в последнее время постепенно разоблачал ложь и противоречия между словами и делами наших идеологов. Если мне доверили пост командира взвода и по этому поводу было присвоено мне звание младшего лейтенанта, то упор делался на то, что я, недостойный всего этого, должен оправдать это доверие и раболепствовать перед высшими судьями, в противном случае меня выгонят с позором, но в покое меня всё равно не оставят. Даже в ничтожном своём положении меня будут нещадно эксплуатировать до последнего моего вздоха. Мои знания, мой ум и мои способности в расчёт никогда не берутся. А если, не дай бог, ты пикнешь или проявишь жалкое недовольство, тебя просто раздавят, как навозного жука, от тебя даже мокрого места не останется. Поэтому безропотно, с воодушевлением весь народ триумфально произносит здравицы великим и гениальным вождям всего пролетариата...

В этой нелёгкой борьбе с врагом я всегда был верен только своему народу и никакой партии никогда не доверял и не ждал от неё никакой милости, даже самой малой. Я был так молод, так неопытен и наивен, судил поверхностно, исходя из своих наблюдений, что мои заблуждения были столь глубоки и наивны, сколь я сам был невеждой в своих воззрениях. Я был убеждён, что терпение народа не беспредельно и однажды эту лживую партию сбросят, как надоедливую, тесную, грязную фуфайку, и вздохнут с облегчением наши народы. А вот когда это будет, зависит от самой партии большевиков. Придётся ждать, сотрудничать с ней, угождать непродуманным мерзким её фантазиям и ни на минуту, никогда не забывать о величии своего народа. А что будет дальше, кто подхватит эту рухнувшую власть и как она проявит себя?

Тем более теперь, когда враг вторгся так глубоко на территорию нашей Родины и брошены в бой огромные вражеские силы, чтобы овладеть Волгой, о разногласиях не может быть никакой даже мысли. Всё должно быть подчинено делу победы.

В нашем характере, среди моих друзей в военном училище, выработалось несколько важных тезисов, которые стояли в нашей повседневной солдатской жизни на самом переднем

плане. Первое, и самое главное, – это уничтожение врага при любых обстоятельствах, в любом положении и состоянии. Второе – постараться выжить при любых обстоятельствах, в любом положении и состоянии. И наконец, третье – это поесть досыта на длительное время при любых обстоятельствах, в любом положении и состоянии. Остальные мелочи мы никогда не брали в расчёт и не обращали на них внимания при любых обстоятельствах, в любом положении и состоянии. Это было девизом для всех нас, пока мы учились в училище и обещали эти тезисы проводить в жизнь, объединившись в братство со своими солдатами при любых обстоятельствах, в любом положении и состоянии.

Во время варки супа из проса мы стали свидетелями, что с правого, противоположного нам берега на баржах стали переправлять крытые брезентом автомашины американского производства «Студебеккер». Они были замаскированы таким образом, что вражеская авиация не могла их обнаружить. Уже к вечеру их количество перевалило за тридцать штук, а их всё продолжали переправлять и переправлять.

На каждый пулемётный взвод выделили автомобиль. После соответствующего инструктажа началась погрузка личного состава. Мне была поручена эта операция вместе с младшим политруком нашей роты Глумидзе Сосо. Материальную часть, боеприпасы и инструменты погрузили на настил кузова возле кабины, личный состав усадили на жёстко прикреплённые к бортам скамейки и приказали карабины зажать между ног, чтобы в пути не стучали кованым прикладом о металлический пол кузова и не производили лишнего шума при движении. Все действия производились быстро и с определённой опаской. Насторожённость основывалась на том, что до сих пор, на протяжении столь длительного времени, противник ни разу не смог обнаружить такое крупное скопление войск, с таким превосходным техническим оснащением. Хотя расстояние от Сталинграда до Камышина составляло всего около двухсот километров, врагу, видимо, было не до того – были дела более важные.

Я ехал в кабине головной машины впереди всей колонны и испытывал определённую гордость за своё якобы лидирующее положение. От левобережной части города Камышина мы тронулись в южном направлении. Теперь уже всем стало очевидно: конечная наша цель – сражающийся Сталинград!

Выдалась тихая звёздная ночь; светила, как по заказу, яркая золотая луна; дорога стелется перед нами накатанная, ровная, без выбоин и ям; ехали без огней, казалось, быстро, но очень долго. Проехали километров двести, точно не знаю, и остановились уже под утро в городке Ленинск. Это маленький районный городок, застроенный в основном частным домостроением, с более или менее выделяющимся центром, административными, культурными и торговыми зданиями в два и даже три этажа. Городок зелёный, с парковой зоной, малолюдный и бедный. Редкие прохожие изредка брели по улицам по своим делам, почему-то стараясь не смотреть на нас. Позже я выяснил: боялись попасть под подозрение в шпионаже. Здесь, оказывается, в прифронтовой зоне было сосредоточена разветвлённая сеть НКВД в целях пресечения передачи информации противнику о переброске советских войск к Сталинграду. Это вполне резонно, и сомнений ни у кого не должно возникать.

Здесь в ожидании чего-то таинственного просидели сутки. Питание, даже наше просо, закончилось. Весь день, кроме разве воды, у нас во рту, как говорят в народе, росинки не было. Как всегда, я стал с возмущением замечать, что вопрос снабжения продовольствием у нас стоит на последнем месте, если, конечно, кто заикнётся, а нет – так и вообще не стоит.

Я глядел умилёнными глазами на наших дорогих высших военачальников. Лица у них были не заморённые, как у солдатиков, а гладкие, лоснящиеся; напрашивался вывод сам собой: питались они регулярно, о них заботились, их лелеяли и оберегали. Для них даже проход в блиндажи делали солдаты шире – боялись, что в узкий они не пролезут, и тогда жди неприятностей. Но, как позже выяснилось, зря беспокоились – их на передовой нам никогда лицезреть не пришлось. И слава богу, появление полковника на передовой вызывало такое смяте-

ние и такой переполох, а заканчивалось трагедиями – гнали в штыковую атаку под пулемётный огонь невинных солдатиков, чтобы оправдать свою лояльность и преданность партии.

18 сентября 1942 года наш пулемётный батальон находится на прежнем месте. Стрелковые части нашей дивизии пешим ходом отправлены вперёд к Волге для транспортирования через реку Волгу в Сталинград.

Погода резко испортилась. Старожилы здешних мест утверждают: такого, мол, в это время года здесь никогда не наблюдалось, в этом всё война виновата – напускали в небо дыма, заслонили солнце, вот и холодно стало.

Прошли обильные дожди, земля, в основном глина, основательно раскисла, налипает на сапоги такими толстыми пластами, что ноги становятся тяжёлыми и похожими на слоновьи ступни. Наши шинели и плащ-палатки не защитили нас от дождей, мы окончательно промокли и под утро сильно продрогли. Особенно мокрые ноги мёрзнут, портянки набухли влагой и не греют, просто спасу нет – холодно.

Вдобавок голод, желудок всё время нещадно сосёт, требуя еды, а где её взять? Обращались к местным жителям за помощью, но оказывается, снабжения в городе никакого нет, купить нечего, да и денег нет, запасы, которые были, давно закончились. Солдат ежедневно везут и везут через город тысячами. Вначале, отрывая от своего скудного пайка, давали солдатикам кое-что, ну а сейчас давать просто нечего. «Не обессудьте, сынки, сами голодаем и думаем покидать город». Вот и весь сказ.

Ребята на свой страх и риск бегают в деревню, меняют свои личные вещи: запасные портянки, бельё на тыкву. Кладут её на прогорелый костёр в золу и горящие угли и ждут, когда она запечётся. После готовности едят, закрывая от удовольствия глаза.

Я чувствую по тому, как нас стали обрабатывать политруки и командиры, скоро нас отправят на передовую. Скорей бы, смена обстановки, даже зримая, даёт импульс работе мозгу в другом направлении. Глядишь, и есть не так хочется при смене декораций.

Вот и настало наконец время, ради которого нас привезли сюда кружными путями за тысячи километров. Из Ленинска нас строем, в колонне по четыре, боевым порядком вывели за город и остановили в каком-то глубоком рву, спускающемся вниз, заросшим по отлогим берегам кустарником и деревьями. Почва на дне оврага была кем-то заметно выровнена и затоптана сапогами таких вот, как мы; видно, не первый раз здесь проповедовали напутственными молебнами уходящих на смертный бой.

Батальон остановили, и, не распуская строй, по команде «вольно» перед нами стали выступать политработники различных рангов, на гимнастёрках которых блестели начищенные ордена, многих из них лично я никогда больше не встречал ни на фронте, ни на портретах. Их речи сводились к тому, что враг в Сталинграде хотя и силён, но несёт огромные потери в живой силе и технике. Улицы города завалены их трупами, которые смердят, и хоронить их никто не желает.

– А чем же там дышать? – спросил кто-то.

– Нас что, закапывать их сюда привезли?

– Они лежат на территории немцев... Смирно, не на базаре...

Далее призывы сводились к тому, что наши бойцы и командиры мужественно защищают героически сражающийся город. Беспощадные, кровопролитные бои идут за каждую улицу, за каждый дом, за каждую пядь родной земли. Наша с вами задача помочь им отстоять город, не дать ненавистному врагу перерезать великую русскую реку Волгу. Защита Сталинграда имеет решающее значение в деле перелома хода войны с фашистской Германией. Директива Ставки – это приказ: «Ни шагу назад! За Волгой земли нет!»

За всё это время промывания мозгов я стоял, словно на гвоздях, меня так и подмывало спросить: «Думаете ли вы кормить бойцов?» Но что-то притормозило меня. Ну что из того, что я выскочу? Меня тут же занесут в чёрный список неблагонадёжных и будут мурыжить мной

и затыкать всякие дыры до тех пор, пока не подведут к черте гибели. И тут же перед моими глазами возник образ моей осиротевшей матери и Настеньки. Её лучистые глаза слёзно умоляли вернуться к ней через все препоны и преграды живым и невредимым. И я смалодушничал и промолчал: в конце концов, есть же командиры и важнее меня, есть комиссары с боевыми наградами, да и бойцы помалкивают. Короче, струсил я. И так мне стало стыдно за себя. С другой стороны, жить-то хочется! А здесь даже у святого терпение кончилось бы.

Вот так оно и идёт: я промолчал, другой промолчал – значит, всё идёт хорошо, все довольны, можно продолжать в том же духе.

– Вопросы есть? – спросил батальонный комиссар, поворачивая своё жирное лицо со стороны в сторону.

– Когда кормить будете? – раздался из задних рядов одинокий голос. И сразу все загалдели, послышались отдельные гневные голоса, тонущие в общем хоре недовольства.

– Батальон смирна-а-а! – раздалась команда командира батальона.

Все, начиная от рядового подносчика патронов и кончая командирами рот, встрепенулись, принимая стойку смирно.

– Боец, выйдите сюда. Выходи... выходи, не бойся, я объясню тебе, если ты голоден! – продолжил уже в тишине батальонный комиссар.

Но строй притих, хранил молчание, шли минуты, видно, все ждали ответа.

– Товарищи бойцы, – обратился командир батальона, – продовольствие ушло вперёд вместе с пехотным полком, мы просто отстали, догоним и наедемся досыта, а пока придётся потерпеть.

Подогнали автомобили, посадили без суеты, строго, по командам – и тихим ходом тронулись в неизвестность, которая была всем известна, ожидаема каждым из нас по отдельности. Не важно, что нас ждёт впереди, все надеялись на лучшее, потому что хуже уже быть не должно. Оказалось, худшего мы ещё не испытали.

Дорога была разбитая после прошедших ливней, вся в ухабах и больших расхлябинах, заполненных сучьями от деревьев, травой и другим мусором, выглядывающим из жидкой, расквашенной грязи, где застревали машины и с трудом выкарабкивались на твёрдую землю. В этих местах машина обязательно сползала в яму и начинала, выпуская струи густого едкого газа, визжа, буксовать. Приходилось бойцам выпрыгивать из кузова, дружно толкать до тех пор, пока не освобождали её из этого гиблого плена.

Только к вечеру мы подъехали к посёлку Красная Слобода и остановились в его северной части. Машины ушли, а нам был дан приказ сделать укрытия от налёта вражеской авиации. Территория покрыта сплошь густым кустарником высотой в два человеческих роста, и оказалось, что земля под ними изрыта проходами, землянками и блиндажами. Нам ничего не оставалось делать, как приспособить всё это под свои нужды и расчистить разрушенное. Стало всем очевидно, что место это предназначалось для ожидания воинскими подразделениями своей очереди для переброски через Волгу в Сталинград.

Здесь отчётливо слышна орудейная канонада и мощные разрывы мин и бомб. Звуки войны не прекращались ни на минуту. Этот кромешный ад я уже слышал там, под Москвой, но там он был менее жесток и напорист. Здесь слышалась какая-то угрожающая озлобленность и нетерпеливость противника. Мне почему-то показалось, что противник надорвался и сражается на выдохе из последних сил. Это я так думал, глядя на клубы чёрного зловещего дыма над городом имени отца народов.

Я ошутимо чувствовал, что стою я здесь, у края потока ливневого огненного дождя, и стоит сделать всего один-единственный шаг – и я окажусь в этой лавине и заживо сгорю в одно мгновение. Я ощущал даже жар на открытых участках своего тела. Но это не ливень огненного дождя, так как у меня не было представления всего этого ада, а ливень смерти, который вымочит тебя твоей же кровью и превратит в пепел. И он был там, в Сталинграде!

Весь западный берег содрогался, как от землетрясения, а Волга рябила. У нас создавалось впечатление, что на том берегу бушует сильная гроза и отблески молний отсвечивают причудливыми фейерверками рвущихся снарядов, лентами трассирующих пуль. Временами сплошной гул напоминал удаляющийся гром с одного края города в другой и обратно, меняя свою полярность по мановению чьей-то злой воли.

Ночное небо зловеще отражалось на водной глади реки огромным чёрным шлейфом дыма, подсвеченного огненно-бардовыми языками пламени, вырывающегося, будто из земного чрева. Эта страшная туча всё время: и днём, и ночью – висела над городом, как знамение бед и неисчислимых жертв неуголимого дьявола.

Нам она казалась исчадием ада, в глубинах которого варилось варево – всё собранное за поколения зло, свершённое неразумным человечеством. Края этого чёрного смрада лохматились и местами просвечивались, создавая невиданные образы неземных монстров, постоянно меняющих свои страшные маски и образные гримасы. Снизу, возле земли, эта клубящаяся дымка освещалась огнём горящей нефти и казалась, если присмотреться, инопланетными пришельцами, более страшными, готовыми наброситься и проглотить всё живое вместе с их постройками и заботами. Сам город ошетинился, продолжая предсмертную агонию перед полным разрушением с катастрофическими последствиями.

Всю эту какофонию ночи непрерывно резали светящиеся многоцветные линии. Лучи бегающих прожекторов, пересекаясь один с другим, шарили по небу на ощупь в поисках самолётов. Упираясь в тучу, луч пропадал, отчего казался коротким, напоминая живую колонну.

Только по ночам на реке кипела непрерывная гигантская работа. С берега на берег сновали катера, баржи, лодки – перевозилось огромное количество живой силы, вооружения, снаряжения, продовольствия, медикаментов истекающему кровью Сталинграду. В обратном направлении вывозились в тыл раненые бойцы и командиры.

Чтобы воспрепятствовать этому, вражеская авиация днём и ночью рыскает над гладью Волги, выискивая малейшие попытки, чтобы пресечь эти действия. Постоянный гул моторов гитлеровской люфтваффе глушит все другие звуки. Наша советская авиация пыталась защитить небо от засилья врага, но это ей удавалось только частично, так как самолётов в нашей группировке было значительно меньше и они были на порядок хуже.

Немецкие самолёты, барражируя над Волгой, сбрасывают осветительные ракеты на парашютиках, благодаря этому достигают чёткой видимости, почти как днём. Медленно снижаясь, они сторают, продолжая освещать под собой большую территорию минут двадцать, отклоняясь в сторону ветра. За такой ракетой тянется шлейф дыма.

Когда вражеские самолёты приближаются к нашему левому берегу, по ним открывают интенсивную стрельбу со всех видов вооружения. На фоне ночного неба очень ярко выделялась, будто живая, светящаяся цепь трассирующих пуль, выпускаемых из пулемёта по вражескому аэроплану. Эта мерцающая цепочка описывала дугу, не достигнув летательного аппарата, сопровождаемого лучами прожекторов, плавно описав дугу, таяла в темноте, не причинив, к нашему всеобщему разочарованию, никакого ущерба неприятелю.

Переливаясь отражениями разноцветных огней, взрывов и пожаров, Волга плавно и величаво, с каким-то спокойным равнодушием, несёт свои чистые воды по просторам святой Руси, как и тысячи лет до этого. Река видывала многое на своём долгом веку, но она задумчиво и безучастно молчит в ожидании лучших времён, будто заранее зная итоги этой возни, данных ей в наказание этих аморальных людей.

На её поверхности внезапно появились суетливые лодки, баржи, катера; на них быстро грузили грузы с людьми и отчаливали от берега; ночь скрывала всё своей тенью, пока не появлялась луна или люди не зажигали искусственные фонари. Днём на Волге всякое движение замирало, несмотря на усиление военных действий на суше.

На воде, у самой береговой линии, стояли полузатопленные баржи, свидетели недавних трагедий с человеческими жертвами, уткнувшись своими тупыми носами в прибрежную грязь, как бы ища поддержки, чтобы окончательно не утонуть и остаться обязательно на плаву во что бы то ни стало. Однако, не имея никаких шансов на восстановление, кормой они уже ушли под воду до самого грунта. В этом виделось какое-то наваждение в виде гигантских аллигаторов с торчащими на поверхности воды страшными оскалами хищных зубов уродливых рыл.

В полночь нас подняли по боевой тревоге и всем батальоном выдвинули к переправе, чтобы перебросить на другой берег, в Сталинград. Я лично давно ждал этого момента и подготовил своих бойцов к этому как мог; мы были спокойны и полны решимости выполнить возложенную на нас временем историческую миссию.

Пылающий город, окутанный дымом, грохотом разрывов, казался пугающе страшным и оттого каким-то притягивающим к себе своей гордой неприступностью. Мы знали, что цель наша быть там, и мысленно уже привыкли к тому, что от этого никуда не деться. Чему быть, того не миновать. Поэтому нетерпение подталкивало, а всякие технические проволочки только раздражали. Иначе зачем мы здесь собрались?

Многие бойцы и командиры стояли на берегу в укрытиях под маскировочной сеткой и, всматриваясь в клочущую ночь, чувствовали, что кто-то нарочно тянет с переправой на тот берег, видимо, настойчиво желает приучить нас к тому ужасу и страху, который нас ждёт и который мы должны побороть внутри себя, прежде чем окажемся там.

Мы ждали очень долго, наконец началась швартовка баржи с ранеными и последующая за этим их выгрузка. Темнота скрывала эту процедуру, но стоны и вопли, доносящиеся из этого живого, но болезненного скопления людей, сказывались на нашей психике мучительно и болезненно.

Со стороны города неожиданно послышался гул авиационных моторов, а следом появились вражеские бомбардировщики. Сразу по ночному небу забегали прожектора, раздалась с разных сторон частая стрельба из зениток и пулемётов противовоздушной обороны; нас срочно отозвали от берега, как говорится, подальше от греха. Самолёты конвейером кружили вдоль берега и сбрасывали бомбы. Раскаты оглушительных взрывов, смешиваясь с хлопками зениток противовоздушной обороны и трескотнёй пулемётов, глушили всё.

Через некоторое время выяснилось, что отправка нашего батальона по явным неблагоприятным причинам откладывается до следующей ночи, и нас возвратили обратно на прежнее место дислокации.

Влажный прохладный воздух у реки незримо проявился, леденя тело под одеждой, расползаясь по прибрежью. Стало холодновато настолько, что я накинул поверх ещё не просохшей шинели плащ-палатку, привалился к стенке траншеи, незаметно уснул. Что меня всё время удивляет, так это мой здоровый сон в любых, самых невообразимых и даже неподходящих условиях.

Ко всему можно привыкнуть, но только не к голоду. Уже несколько дней мы перебиваемся кто на чём. Сегодня к обеду нам выдали по два сухаря и по одному кусочку сахара. Я не курю, и на махорку, положенную мне, ординарец выменял в деревне кое-какие продукты питания. Варим сборный жиденький супчик на весь взвод, сбрасывая туда всё, что найдём.

Многие жители бросили свои жилища и уехали вглубь страны, чтобы не подвергать своих детей опасности. В садах и огородах, если внимательно присмотреться, можно найти оставленные забракованные или недозрелые фрукты и овощи: забытую морковь, яблоко, закатившееся в траву, луковичку с еле заметным усохшим хвостиком ботвы, переросший огурец – да много ещё чего, если порыться с усердием в земле. Она с благодарностью откроет перед тобой все свои секреты и обязательно накормит. Мы крестьянские дети, у нас особое, свой-

ственное только нам, мужикам, сельскохозяйственное чутьё и особое видение жизни, выработанное вековым опытом в борьбе за выживание в суровые времена.

Я вспоминаю, что все жители деревень, за редким исключением, начиная с поры таяния снегов и до появления нового урожая постоянно голодали, перебиваясь с лебеды и крапивы на щавель, весенние шампиньоны и прочие травы, которые росли в наших краях.

Утром окончательно стало ясно, что ещё на сутки, до следующей ночи, мы остаёмся на своём уже освоенном месте возле хутора Красная Слобода. Спал я плохо, сказывается то, что от безделья много спим. Если добавить к этому непрерывную стрельбу, рёв моторов, гулкие разрывы бомб, сброшенных на переправах, вдоль нашего побережья – всё это постоянно тревожило, напрягая нервную систему, прерывая отдых. Регулярно стала побаливать голова от постоянного и неизменного грохота войны, настроение у меня понизилось до какого-то тупого безразличия, видимо, у меня понизилось кровяное давление, возникла хандра от устойчивого хотения есть и всяческого угнетения моей воли.

Часов в десять наступило окно затишья, немцы, видимо, перебросили всё своё внимание на город, по Волге днём прекращается всякое движение. Наши политруки во главе с комиссаром батальона собрали нашу роту на митинг.

На этот раз нам они открыли глаза и сообщили великую тайну – оказывается, нам выпала великая честь оборонять город Сталинград и великую русскую реку Волгу. Они вместе с нами в едином строю выступят и будут сражаться до последней капли крови, не пожалеют своей жизни на это святое дело. Это нам вдальбливают каждый день по многу раз.

Батальонный комиссар сообщил с какой-то таинственной интонацией в голосе, что красноармейцам, защищающим город имени Сталина – гениального вождя всего прогрессивного человечества и всего мирового пролетариата, учителя и вдохновителя всех наших побед, будут ежедневно выдавать по сто граммов водки. Оказывается, немцы в городе терпят поражение за поражением, улицы завалены их зловонными трупами и они вынуждены посылать сюда всё новые и новые подразделения взамен погибшим. Цель у врага одна – прорваться к Волге и перекрыть доставку каспийской нефти к центру России. Наши доблестные воины мужественно защищают каждый метр нашей священной русской земли! В заключение он ещё раз призвал сконцентрировать всю энергию и направить её на борьбу с врагом. Вместе мы победим!

Следом выступил вперёд молодой пулемётчик и звонким голосом призвал всех слушателей следовать за ним. Он готов отдать свою жизнь, до последнего вздоха защищая город имени дорогого нашего вождя. Как только воины слышали имя человека, без которого, казалось, жить они не могли, их охватил какой-то психоз, лихорадочное возбуждение, сопоставимое с умопомешательством. По всему было видно, что немцы будут разбиты, несмотря на все их усилия. Возгласы «Ура!», здравицы и бурные аплодисменты потрясли площадку.

Второй пулемётчик так же призвал комсомол поднять знамя революционного народа, окропленное кровью революционеров-первопроходцев, на борьбу с ненавистным врагом и с позором выдворить их за пределы нашей любимой Родины! Он также призвал к ответу саботажников, которые не могут перевезти нас на другой берег. Он рвал и метал с такой яростью всех, кто мешал ему бить врага, что у многих по спине побежали мурашки, а промеж ног и под мышками выступил пот. Настроение у многих солдат заметно улучшилось, несмотря на постоянно урчащий от голода живот.

– Кто ещё хочет выступить по этому вопросу? – устремив свой пронизывающий взгляд на притихших солдат, спросил политрук роты. – Из числа командиров взводов есть желающие сказать своё напутственное слово?

– Разрешите мне сказать, – решился почему-то я, хотя до этого я ни разу не выступал.

– Пожалуйста, – обрадовался политрук, – слово имеет командир первого взвода младший лейтенант Ковалёв Пётр Иванович.

– Дорогие красноармейцы и командиры! – начал я, сразу же почувствовав, что всё то, о чём я хотел первоначально сказать, было мелко и не нужно, все и без меня знают, зачем мы здесь и какую роль должны сыграть, чтобы остановить агрессора. – Я внимательно слушал предыдущих товарищей, выступающих здесь, и был разочарован той мыслью, что мы должны отдать свои жизни в деле защиты и Волги, и города Сталина. Я со своей стороны призываю вас, дорогие товарищи, бить врага и гнать его с нашей земли, а не обороняться. И обязательно выжить, несмотря ни на что. Если же мы погибнем, то кто же тогда будет его гнать до самого его логова? Помните, без нас этого никто не сделает! Ещё я хотел, чтобы командование батальона обратило своё внимание на снабжение войск продовольствием. Дело это крайне запущено, а политработники не контролируют это. А ведь успех дела не в последнюю меру зависит от этого.

После моего выступления аплодисменты послышались не только от солдат нашей роты, но и из укрытий соседних рот. После митинга мои ребята взвода окружили меня с горящими глазами и одобрительно отзывались о моём выступлении.

– Правильно говоришь, лейтенант, ни к чему нам эти похоронные панихиды. Бить врага – наша задача.

– Я тебя одобряю и полностью поддерживаю, если, к примеру, я умру, то кто же тогда будет любить Родину? – философски заметил один из красноармейцев.

Я посмотрел на любителя побалагурить, это был не кто иной, как наш шутник Кузякин – подносчик патронов третьего отделения.

– Вот это мы и будем делать, – поддержал я шутника на полном серьёзе. – Будем бить врага и любить Родину, я думаю... сегодня же ночью.

Немцы словно ждали окончания митинга. Неожиданно из-за Волги послышался быстро нарастающий гул моторов вражеских бомбардировщиков. Даже за краткое наше пребывание вблизи передовой мы безошибочно стали определять по звуку работы мотора, чей приближается самолёт.

По команде «Воздух!» все красноармейцы разбежались по своим укрытиям. Девятка бомбардировщиков «юнкерс», надрывно издавая характерный звук от чрезмерной загруженности смертоносным запасом бомб, шла строем по три штуки в нашу сторону.

На самой середине реки, откуда ни возьмись, сверху на них ринулись наших три Яка. Они бесстрашно врезались прямо в середину строя и начали поливать их свинцом из пулемётов. Снизу нам они казались назойливыми мошками, но благодаря их докучливым и храбрым нападкам строй «юнкерсов» распался, они почувствовали неуверенность и начали разворачиваться обратно.

И в этот момент со стороны тракторного завода вынырнули два вражеских истребителя «мессершмитта». Они яростно набросились на наши маленькие самолётики. Скорость вражеских машин была явно выше, да и манёвренностью они превосходили наши ястребки. Завязалась яростная борьба в воздушном бою истребителей с частой перестрелкой, с погонями, акробатическими уловками, стремительными разворотами, петлями и увёртками. Мы, сжав руки в кулаки, с волнением наблюдали за противоборством летательных аппаратов, управляемых живыми людьми.

Ко всему прочему я заметил, что один из наших истребителей продолжал докучать немецким бомбардировщикам. Он самоотверженно вертелся вокруг них, находясь всё время в их гуще; у них же, видимо, не было уверенности вступить в бой и вести огонь из-за боязни поразить свой самолёт, летящий рядом, поэтому они увёртывались от него, как от назойливой мухи. До нас звуки сражения единственного Яка с армадой «юнкерсов» доходили глухо, а в последующем времени и вовсе затихли. Вся эта авиационная кавалькада сместилась южнее и исчезла из нашего поля зрения. В результате этого захватывающего столкновения никто

не пострадал. Израсходовав боекомплекты, истребители враждующих сторон ушли на свои аэродромы; бомбардировщики развернулись и, сбросив бомбы на город, тоже скрылись.

Как раз в это время высоко в небе происходило ещё одно сражение между немецким истребителем «мессером» и нашим двукрылым тупоносым истребителем «чайкой», который шёл в сторону Волги.

Вражеский «мессер» угрожающе наседавал на наш самолёт, готовый разнести его на части. Я видел, как фриц шёл прямо в лоб нашей малютке. Он приблизился на расстояние зоны поражения, и с двух сторон последовали длинные очереди пулемётной стрельбы. После того как они проскочили мимо, не причинив вреда друг другу, «мессер» стал производить разворот, надеясь зайти в хвост «чайки» и прикончить его. Этот манёвр он успешно осуществил и стал стремительно догонять наш самолёт, который к тому времени уже отлетел на значительное расстояние вперёд. Никаких противодействий наш самолёт предпринимать не стал, как летел, так и продолжал лететь на той же высоте с той же скоростью, и мы уже начали переживать за него – думали, что он или ранен, или вовсе убит. Но когда расстояние сократилось до дистанции выстрела истребитель «Чайка» бросился в штопор и стремительно полетел вниз.

«Мессер» гордо развернулся и в спешном порядке удалился через Волгу к своим, потому что вокруг его фюзеляжа стали лопаться белые парашютики от зенитных разрывов.

Мы, затаив дыхание, следили за падающей машиной в ожидании появления парашюта пилота. Каково же было наше удивление, когда «Чайка» у самой земли вышла из пике, выровнялась и стала набирать высоту. Я тогда с глубоким облегчением вздохнул от благополучного исхода поединка и с уважением подумал о трудной и опасной работе лётчиков.

Вскоре над Волгой появились наши и вражеские истребители, завязалась головокружительная карусель. Автоматические зенитные установки вели по врагу прицельный огонь. Наш слух непрерывно улавливал их твякающие выстрелы. Вокруг немецких машин появлялись ватные тампоны снарядных разрывов. Осколки зенитных снарядов то и дело со свистом проносились мимо нас, врезаясь в землю. Групповая дуэль не принесла на сегодняшний день ни одной стороне победных очков. Так и разлетелись в разные стороны дуэлянты ни с чем. Мы с разочарованием восприняли это зрелище, и в душу закралось сомнение о несерьёзности разыгранного спектакля.

Самолёты улетели, а мы только сейчас увидели лежащего на песке солдата. Один из зенитных осколков врезался в голову подносчика патронов второго взвода Васи Гумнова.

Здесь, на левом берегу Волги, война так неожиданно и нелепо закончилась, ещё даже и не начавшись, для совсем ещё молодого парня – 21 сентября 1942 года. Всем личным составом батальона мы похоронили его недалеко от берега в воронке от авиабомбы, с воинскими почестями, доступными в то время нам при столь опасных обстоятельствах военного времени.

Разве кто из нас предполагал, что сотням тысячам солдат, погибшим на сталинградской земле, могилой станет воронка от снаряда или бомбы, в которых многие из них останутся лежать неизвестными.

Но только с той самой минуты после похорон рядового Гумнова никто никогда не выходил из укрытия, не надев каску. Дураков, как говорится, учит опыт, опыт горький, до слёз трагический, запоминающийся на всю жизнь.

Не знаю, что подействовало: то ли моё выступление, то ли подвезли продовольствие – «Ура!» Сегодня нам выдали паёк: двухкилограммовую буханку хлеба на пять человек, банку консервированных крабов на троих и по пятьдесят граммов сливочного масла. Всё это богатство мы с голодухи сразу и съели. Тяжесть в желудке от съеденного не давала чувства сытости, хотелось по-прежнему есть. Нам посоветовали больше пить кипячёной воды для разбавления густой пищи.

Из небольшой одинокой тучи, не предвещающей ничего путного, на которую и внимания никто не обратил, стал капать мелкий тёплый дождик, который усиливался с каждой минутой

и вдруг в одно мгновение резко прекратился; обратно засияло солнце, не заметив этого досадного мимолётного препятствия для себя.

Следом за тучкой, будто вынырнув из неё, стал кружить над нашей территорией двухфюзеляжный разведывательный самолёт немецких люфтваффе. Нас словно ветром сдуло, разметав по укрытиям, мы уже были осведомлены о последствиях его появления. Он по радио сообщал координаты скопления наших войск, и туда немедленно вылетали бомбардировщики, и одновременно, в мгновение, производился массированный обстрел гитлеровской дальнобойной артиллерией. Наш пулемётный батальон, к счастью, ещё не попал под этот смертоносный ураган, поэтому мы отнеслись к этому весьма скептически.

На этот раз фортуна нам подмигнула, нас не заметили, и разведчик, покругившись, улетел ни с чем.

Перед заходом солнца нам выдали сухой паёк на трое суток и предупредили о готовности номер один всего личного состава пулемётного батальона в ближайшие часы к переброске на другой берег Волги в пылающий Сталинград.

С наступлением темноты мы спешно, в полном вооружении, покинули свои убежища и подошли к самой переправе, которая находилась севернее посёлка Красная Слобода. Пристань была недавно разбомблена, и только перед нашим приходом ремонт был закончен. Повсюду белели куски обработанной древесины, запах хвои приятно щекотал обоняние. Засыпаны свежей землёй ямы, стояны и настилы высланы из грубо обработанных свежих брёвен.

Пристань была небольшой – около четырёх метров шириной и глубиной, наверное, метра три, а может, и меньше. Невысокий берег укрыт большими деревьями, будто нарочно выращенными природой для нужд войны, заметно пострадавшими от многочисленных осколков. Туда, под тень этих деревьев, ставили баржу под погрузку, и сразу же после завершения вводил её маленький буксирчик в сторону Сталинграда. Точно по расписанию на освободившееся место моментально ставили другую баржу, и повторялось всё заново, так вот и продолжалось всю ночь, разумеется, при наличии барж. До рассвета, постоянно рискуя, временами попадая под артиллерийские обстрелы и авиационные налёты, героические труженики волжской флотилии перевозили грузы, людей, раненых. Наступило утро, мы снова не успели переправиться; нас опять отправили на старое место до следующей ночи.

Этой ночью в ожидании переправы из пулемётчиков никто не сомкнул глаз, поэтому, почувствовав утром безопасность и возможность отдохнуть, солдаты мгновенно погружались в сон. Я никогда не страдал бессонницей и всегда при малейшей благоприятной возможности закрывал глаза и в один миг впадал в дрему. Эти качества внутреннего состояния моего психического настрой спасительно помогали мне урывками восстанавливать нормальное состояние в военной обстановке, когда тревоги сопровождают тебя постоянно, не давая возможности хорошо отдохнуть; при иных быстро меняющихся обстоятельствах глубокий сон мог губительно отразиться на моей жизни. А так, секундными отключениями, я набирал полноценный отдых; единственное, что мне не нравилось, так это тяжесть и постоянный шум в голове, это продолжалось, по крайней мере, пока я не получал возможности для полноценного многочасового отдыха.

Утром нас опять побаловали отцы-командиры – на завтрак выдали буханку хлеба на каждого, масло и сахар. В покинутом местными жителями саду нашли растения, пригодные для заварки чая: малину, мяту, зверобой, подорожник, девясил, листья земляники. Вскипятили воду, заварили чай и наелись хлеба с маслом, запивая душистым травяным сладким чаем.

Такие моменты, словно праздники, долго не забываются, оставаясь в памяти, как острочки блаженства в бушующем холодном море, особенно когда радоваться нечему и дни сопряжены с постоянным голоданием, неустроенностью быта, лишениями и непредсказуемыми трудностями.

Должен признаться, мой взвод каким-то образом сплотился в единую дружную команду, стал напоминать целостную, согласованную и здоровую семью. Особенно эта сплочённость чувствовалась в пулёмётных расчётах. Это меня радовало, и я всячески их поддерживал, внедряя коллективные обеды, чаепития и другие общие мероприятия. Каждый боец проявлял заботу об остальных своих товарищах и старался сделать что-то хорошее и полезное для общего пользования, а не ждал, когда кто-то сделает для него, а он воспользуется плодами его труда.

Глядя на всё это, я сделал тогда главный для себя вывод, что вот таким образом должны выкристаллизовываться правила и отношения между людьми при строительстве подлинного социализма. Когда все работают, не оглядываясь на других, стараясь не ударить лицом в грязь, не замарать свою честь, не урвать лишний кусок у своих же товарищей и принести наибольшую пользу для блага всего сообщества. И как только люди увидят расслоение в их среде, все усилия пойдут на спад. Недоверие как снежный ком будет расти с каждым витком всё больше и больше, и всё рухнет и рассыплется в прах в конечном итоге.

Гул ожесточённых боёв на улицах Сталинграда не стихал ни днём, ни ночью; временами он перемещался с одного участка города на другой, напоминая грозу, с такими же раскатами, сияниями разрывов и пожарищ. Днём противостояние усиливалось, включалась вся линия боевых соприкосновений. Работа вражеской авиации активизировалась настолько сильно, что казалось, самолётов у врага было очень много – пугающее количество. Они шли конвейером, методично, строго по три машины, маршем – словно на парад.

Вражеские истребители проскакивали Волгу и преграждали путь нашим немногочисленным Якам, не давая им возможности вступить в бой с бомбардировщиками и мешать сбрасывать бомбы на головы защитникам Сталинграда.

Наши зенитчики зачастую стреляли с опаской, рискуя подбить свои машины, поэтому стреляли наверняка, будучи уверенными, что поблизости нет краснозвёздных самолётов.

В короткие затишья политработники не теряли времени зря, они умело отработывали свой хлеб, причём лучшие куски. В траншеях читали свежие газеты, донесения об успехах отдельных бойцов и целых подразделений на полях военных действий, при этом отдельно подчёркивали героические подвиги, при которых ценой самой жизни бойцы уничтожали врага. Поднимали боевой дух и закладывали зёрна самоотверженности, натаскивали нас, боевых псов, на команду «фас». Мы и сами в ту пору рвались в бой и без их науськиваний, а эти подстрекательские беседы только оскорбляли наш благородный юношеский пыл и стремления к самопожертвованию, и мы даже недоумевали, что нас всё время тормозят.

Сегодня у нас в батальоне появился работник финансового отдела. Он вёл запись воинов, желающих делать переводы с расчётной книжки по аттестату родителям или другим лицам по желанию военнослужащего на определённый срок. Мои родственники, в том числе и моя бедная мама, были на оккупированной территории в Брянской области. По этой причине я не мог ей помочь деньгами, и тогда я, очень кстати, вспомнил о родной тёте Акулине Анисимовне, проживающей в Свердловской области, и оформил ей перевод на 250 рублей на шесть месяцев, которые она получала и которые ей оченьгодились в те невероятно трудные времена.

Довольно часто вражеская дальнобойная артиллерия вела по левому берегу Волги интенсивный обстрел, особенно после облёта самолёта разведчика, а также по наводке немецких наблюдателей, которые засекали движение нерадивых солдат на нашей стороне.

Наши реактивные установки «катюши» также не оставались в долгу, приводили врага в трепет своими сокрушительными ударами, наносимыми ответным огнём по выявленным точкам неприятеля. После каждого удара «катюши» вынуждены были мгновенно покидать это место. Потому что враг не дремал, цель передвигжных комплексов обнаруживалась и обстреливалась с явной остервенелостью. Артиллеристов, к счастью, на том месте уже не было.

Отстрелявшись, они мгновенно уходили из-под обстрела в другое место; таких тайных гнёзд вдоль левобережья Волги у них было много, поэтому наносить удары по врагу они не боялись и делали всё, чтобы облегчить нашу участь и помочь нашим войскам в Сталинграде, особенно в критические моменты или в случаях артподготовки.

Как только зашло солнце, на землю спустился вечерний мрак, а вечер в ту памятную ночь, вторника 22 сентября 1942 года, был пасмурный и сырой, небо было окутано сплошь тучами, погода явно нелётная, но кто врага разберёт и кто запретит. По всем визуальным признакам ночью на землю должен пролиться дождь.

Нас, весь пулемётный батальон, в очередной раз в полном снаряжении и при строжайшем соблюдении мер защиты обнаружения подвели к пристани. События предстоящей ночи могли индивидуально сложиться для каждого из нас. Многие бойцы были сосредоточены и мрачны. Видимо, каждый из нас, или почти каждый, почувствовав в себе дремлющий дух православной веры, просил прощения у Бога за свершённые им грехи в прошлом и умолял его в молитве о спасении души. Я был не исключением. Это уж у нас, крестьян, заложено природой: веришь ты в Бога или сомневаешься, но в трудную судьбоносную минуту всегда вспоминаешь его с благодарственной надеждой.

Большая баржа стояла у причала, укрытая в кронах вековых деревьев. Выносили последних тяжелораненых. После этого поступила команда на погрузку нашего пулемётного батальона. Я первый, со всей решительностью, смело взошёл на её борт, за мной следовала команда моего взвода. Всё делалось быстро, не создавая лишнего шума и суеты. Буксир, как маленький жучок, журчал у носа баржи, готовый в нужный момент отбуксировать баржу к сталинградскому берегу.

По бортам баржи лежали мешки с песком. Мой взвод, как и положено ему, взошёл на палубу баржи первым и занял место возле носа. Чтобы было места больше, мы уселись на песок и поставили пулемёты рядом с собой стволами вперёд, приготовившись, в случае необходимости, к бою. Как только баржа отвалила от пристани, нашему взору предстало невиданное зрелище: всё зеркало Волги освещалось ракетами, медленно спускающимися на парашютиках, которые выбрасывал немецкий самолёт, летящий низко над водой с севера на юг.

Плоскодонная баржа медленно пересекала фарватер Волги, видимо никем не замеченная. Приблизившись к берегу, нас охватил ужас – с крутого берега медленно, как с жерла вулкана, сползала горящая нефть. Она стекала по склону несколькими потоками, выпуская зловещие языки пламени и клубы чёрного дыма, с шипением вливаясь в русло реки, мгновенно разливаясь, заполняя собой всю прибрежную поверхность воды.

Баржа оказалась во власти пламени, а мы в объятиях смертельного страха; немцы разбомбили нефтехранилище, и нефть потоками хлынула вниз по склону к Волге.

Наша посуда медленно, как будто на ощупь, приближалась к берегу. Мы стояли в каком-то оцепенении и ни о чём не думали; жуткая смерть от предстоящего сгорания заживо в этом кипящем аду уже неотступно преследовала наши мысли. То, что нас заметили и могут расстрелять или уничтожить из орудий, миномётов, или накрыть авиацией и бог знает ещё чем, нас уже меньше всего волновало. Вот сгореть заживо – было страшно! Но Бог нас миловал, несмотря на все страхи, баржа вошла в тень берега, а это означало, что наземный обстрел нам не угрожает, а самолёты ввиду нелётной погоды уже не появятся. Мы благополучно пришвартовались к причалу, и, забыв, как всегда, поблагодарить Всевышнего Спасителя нашего, начали с большой радостью и поспешностью сходить на берег. Баржа оказалась металлической, что и спасло нас.

Пристань была широкой, из-за мелководья далеко выступала в воду. Деревянное ограждение по всему периметру было низким и, на мой взгляд, довольно непрочным. А почему так? Война – в случае опасности при большом скоплении народа прочные и высокие перила будут помехой разбежаться людям в разные стороны от опасности. Вот и ответ на мои сомнения.

С другой стороны, если хорошо подумать, нужны ли вообще эти препятствия? Любопытство – это моя черта, не знаю уж, положительная или отрицательная. По-моему, человек, не обладающий любознательностью, недалёк в своих познаниях – это сугубо моё личное мнение.

Нам было приказано поторапливаться и быстрее покинуть палубу и дальше отойти от судна, что мы с большим удовольствием и выполнили. Наш первый взвод был на сей раз замыкающим, поэтому покидали её мы последними.

На пристани и под обрывистым берегом на песке рядами лежало бесчисленное количество тяжелораненых; чуть дальше по берегу без сопровождения сидели, медленно бродили, стискивая от боли на груди руки, не меньшее число легкораненых – все они ждали переправы в тыловые госпитали. Война для многих из них так или иначе уже закончилась. Пришедшая с нами с левого берега баржа должна доставить их на противоположную сторону Волги.

Пулемётчики, проходя по живому коридору этих несчастных раненых, видели их страдающие глаза и тела, неумело замотанные и перемотанные бинтами и окровавленным бельевым тряпьем. Они что-то бурчали недовольными голосами то ли из-за того, что мы медленно и нерасторопно покидаем посудину, то ли из-за нашего опоздания к месту сражения, приведшего к столь плачевному для них состоянию. Эту удручающая картина сильно отразилась на нашем пылком героическом настроении.

Отойдя несколько сот метров от пристани, под прикрытием высокого обрыва берега Волги мы сделали привал в ожидании дальнейших указаний от встретивших нас командиров более высокого ранга.

Раненые и здесь ходили поодиночке. Я подошёл к младшему лейтенанту, приблизительно моих лет и такого же положения в армии, и, тихо поздоровавшись, заговорил:

– Жарко, приятель, на передовой? – сочувственно, тихим голосом обратился я к нему.

– Сам увидишь, я только неделю там и был, – ответил грустно он, – так ничего толком и не понял. Немцы прут, как озверелые псы. У них и танки, и самолёты, а мы с голыми руками. Винтовок – и тех на всех не хватает. Я сам из 34-го гвардейского стрелкового полка. Вчера на нас надвинулась такая фашистская армада, только танков, наверно, больше ста штук, а уж пехоты не сосчитать – как саранчи! За день отбили двенадцать атак. В районе оврага Долгий немцы клином врезались в нашу оборону, где я со своим гвардейским взводом стоял насмерть! Мы уничтожили пятнадцать танков и более ста пятидесяти автоматчиков гитлеровцев. Взвод пал на поле боя, но не сдался и не отступил. Меня, раненого, с поля боя вынес ординарец вместе со своим другом в бессознательном состоянии.

Голос его окончательного стих, похоже, он плакал и не мог больше говорить. Я не стал ему больше докучать, потихоньку отошёл к своим. Настроение моё совсем сникло.

Пулемёты, амуницию и личные вещи мы сложили повзводно, оставив охрану, направились к Волге, чтобы умыться, вдоволь напиться и набрать воды в опустевшие фляжки. Берег оказался топким и илистым. Решили отыскать какую-либо возвышенность у воды. Недалеко от меня из воды выглядывал какой-то выступающий над водой продолговатый предмет; солдаты наступали на него, пили и набирали воду, умывались. Когда настала моя очередь, стоя на нём, я почувствовал, что предмет, на который мы наступаем, подозрительно мягкий. Наклонившись, я внимательно присмотрелся – в ночной темноте из грязи отчётливо вырисовывалось тело человека, и я уловил – от него шёл запах разлагающейся плоти. Нам с трудом удалось извлечь мёртвое тело из засосавшей его грязи и ила, в результате чего мы определили по одежде – труп принадлежал советскому воину. Мы отнесли его дальше от берега и уложили на видном месте, в надежде, что днём его кто-то увидит и похоронит с почестями.

Я не стал ни пить, ни умываться здесь, а отошёл метров на тридцать вверх по течению и увидел бревно, положенное кем-то специально, чтобы набирать воду. Воспользовавшись им, я приблизился к воде и удовлетворил все свои нужды без всяких препятствий.

Когда я пил, то почувал резкий запах керосина и скольжение на руках. Оказывается, нефть разлилась по воде у этого берега повсюду; солдаты, в том числе и я, были вымазаны мазутом и выглядели чумазыми, вызывая всеобщий смех. Душевная скоропалительная молодость не успела приобрести рассудительность старшего поколения, продолжала вырываться необдуманными эмоциями при любой подходящей возможности. На то она и юность!

После общего построения начался подъём на крутой, почти отвесный береговой обрыв Волги. Пулемёты были приведены в полную боевую готовность ещё на левом берегу, поэтому подъём был трудным, несмотря на выдолбленный проход, груз слишком тяжёл и неудобен; к нашему счастью, путь оказался не таким длинным и долгим.

Продвинувшись севернее берегового обрыва метров на триста до небольшой однобокой возвышенности, приказали всем остановиться, рассредоточиться и окопаться. Весь остаток ночи копали окопы; земля в Сталинграде твёрдая, как камень, – суглинок, без кирки и лома её не возьмёшь, разве только зубами. Все смертельно устали, но окопы сработали добротные, в полный профиль, со всем полагаемым правилами военного искусства. Оно и понятно – кому охота умирать в первый же день, попав на войну. Интересно взглянуть лохматой злодейке в глаза да самому и оценить её мерзость.

На рассвете стали проглядывать окрестности: большая часть деревянных построек сгорела, остались лишь торчащие трубы да горы обгорелых брёвен, сложенные заботливыми руками, видимо, хозяев после пожара аккуратными стопками на фундаментах. Мирных жителей мы пока не встречали нигде, возможно, затаились в подвалах или спят. Конечно, вряд ли: не та пора отлёживаться, когда всё время над головой висит дамоклов меч.

Первый расчёт сержанта Волкова, копая окоп, наткнулся на захоронение грудного ребёнка, завернутого в простынку, с осколочным ранением головы. Захоронение оказалось совсем свежим. Пулемётчики засыпали трупик землёй на прежнем месте, а окоп вырыли на новой точке.

Увидев эту невинную жертву, я остолбенел от такой жестокости. А потом промелькнуло у меня в голове: война, разве она будет разбирать, какую жертву ей принести дьяволу? А каково родителям потерять ребёнка? Вот от чего рождаются герои и жестокость вместо милосердия!

День прошёл под постоянными обстрелами миномётов и артиллерии. Видимо, противник заметил свежую землю и решил выяснить истинное положение.

Ночью то и дело возникали перестрелки. Мы, неопытные вояки, ещё не успели откопать себе укрытия, отвечали на провокации противника, чем преждевременно обнаружили себя, к тому же ещё и свою качественную и количественную сущность. Я это сразу понял и приказал прекратить огонь, поэтому в моём взводе потерь не было.

Утро, 23 сентября 1942 года. Первый день моего пребывания в сражающемся Сталинграде. Солнце, несмотря на непрекращающийся гул на земле и в воздухе, разрывы, сотрясающие почву страшной силой, сияло как ни в чём не бывало, даже не замечая всей этой мерзости, как это оно делало миллиарды лет в нашем земном исчислении, согласно установкам мироздания.

Над этим потрясающим открытием, для меня, я не успел поразмыслить. А ведь было над чем? С другой стороны, почему я должен думать об этом? Какая связь между братоубийственной войной и солнцем? Светило исправно исполняет свои функции, а мы с завидной исправностью убиваем друг друга. На поверку мы самые свирепые и беспощадные хищники – убийцы, специально назначенные кем-то для регулировки численности всей цепочки животного и растительного мира на земле. И все эти охоньки и аханьки оставьте для дебилов, всё отрегулировано рационально, разумно и закономерно, и даже ведётся контроль извне за ходом выполнения задуманной программы. Конечно, это моё, сугубо индивидуальное, мнение.

Возможно, это даже и правильно. В противном случае нас бы столько расплодилось на этой благодатной земле, что своим числом мы давно бы вытоптали её и стали пожирать друг

друга, так и не получив звания «человек разумный». А так, глядишь, и разумными зовёмся, вопреки всему, что наворотили, и так изгадили землю, да и в цари всего живого выбились!

Небо постепенно раскалялось и уходило в бесконечную высь. Чистота небесной сферы, на которой не было ни облачка, пугала. Значит, день предвещает быть душным и жарким вдвойне; значит, потребуется терпение запастись достаточным количеством воды; значит, нужно надёжно укрыться от неприятельских глаз; первому обнаружить врага и поразить без промедления и сожаления.

Сталинградское сражение накапливало опыт ведения войны и приобретало очертания осмысленности и рационализма. Наш батальон находится во втором эшелоне для поддержания пулемётным огнём на длинной дистанции пехотного полка, расположенного впереди метрах в ста от нас. Иными словами, создавалось такое впечатление, по моему разумению, нам, необстрелянным желторотикам, дали сутки понюхать пороху, привыкнуть к этому крошечному аду.

Задача нашего пульбата состоит в том, чтобы по мере необходимости затыкать дыры в образующих брешах обороны нашей 284-й пехотной дивизии. На нашем участке линии обороны установилось относительное затишье. Сражение, по звуку разрывов, перекинулось южнее по течению Волги.

Старожилы-красноармейцы наших стрелковых рот, которые были переброшены позавчера сюда с левого берега, нас информировали: сейчас мы находимся на территории завода «Красный Октябрь», а бои в настоящее время идут в районе железнодорожного вокзала, и похоже, дела там не очень радужные для наших частей. Площади и улицы там буквально завалены тысячами убитых советских и немецких солдат. Люди умирали, но не сдавались. Свою клятву они выполнили до конца.

И самое печальное, что повергло нас в уныние: немцы превосходящими силами при усиленной поддержке танков и бесперерывной бомбардировки с воздуха вдоль реки Царицы разобшили наши войска и вышли к Волге в районе пристани.

Прошло совсем немного времени после рассвета, я увидел местных жителей. Их было очень мало – единицы, в основном это были старики и дети. Вид у них был измождённый, чувствовалось, что они недоедали, испуганы своей беззащитностью и безысходностью. Жили они в подвалах собственных сгоревших домов или вырытых землянках. Остальные, оставшиеся в живых после вступления гитлеровцев в Сталинград, эвакуировались за Волгу в безопасные места. Как мне удалось позже узнать, власти Сталинграда препятствовали эвакуации мирных жителей за Волгу. Поэтому в тот же день 600 бомбардировщиков люфтваффе Германии совершили варварский налёт на Сталинград, от бомб которых погибло 45 тысяч мирных жителей. Такие беспрецедентные жертвы легли на совесть правительства СССР и города Сталинграда. Всего же за всю Сталинградскую кампанию погибли, скончались от ран и умерли от голода 184,9 тысячи ни в чём не повинных женщин, стариков и детей.

Несколько раз пролетал немецкий самолёт-разведчик «рама»; кружил он, наклоняясь на один бок, потом на другой, над нашими замаскированными укрытиями. Следом, тут же, нас обстреливали из миномётов и артиллерии; значит, наша маскировочная система не оригинальна, ни к чёрту не годится; значит, нужно эту систему продумать и внедрить в неё что-то естественное, что не вызвало бы подозрений с воздуха. Нас заприметили и вражеские бомбардировщики, несколько раз они сбрасывали бомбы на наши головы.

В моём взводе, хвала господу, пострадавших нет; во втором взводе легко ранило осколком снаряда подносчика патронов рядового Патрикеева. Его перевязали, но в тыл не отправили. Зато в штабе батальона был убит начальник штаба лейтенант Верочкин. Около него взорвалась мина, когда он бежал в свой блиндаж из туалета. Его похоронили на берегу Волги под звуки канонады артиллерийских залпов с левого берега по врагу, совпавшего как раз по вре-

мени с этим скорбным событием. В целях экономии патронов салюта производить не стали, да и к чему этот лишний шум, которого вокруг и так предостаточно.

Хочу попутно заметить, что война всё упрощает до минимума, особенно действия и поступки, которые могут усугубить ситуацию или привести к новым ненужным жертвам, хотя об этом особенно редко кто беспокоился. Главное, что ценилось выше всего, – это результат.

Временно исполнять функции начальника штаба батальона назначили моего друга, с которым я ходил вместе в школу, сидел за одной партой, и вместе с ним ушёл добровольцем на фронт, а также учился в одном военном училище – младшего лейтенанта Гурзу Ивана Ивановича. Я порадовался за него и до сих пор считаю, что лучшей кандидатуры в батальоне нет. Плюс в моих рассуждениях было ещё и то, что Иван был моим другом, и он знает об этом.

Ровно в полночь, по команде, батальон без лишнего шума скрытно покинул окопы и под непроницаемым прикрытием ночи двинулся к берегу Волги. Спустились тем же путём, что и поднимались, и по береговой линии двинулись на юг в сторону вокзала, откуда сегодня днём слышны были звуки ожесточённой перестрелки яростного сражения.

Шли по бездорожью, тащить пулемёты, утопающие в песке, приходилось порой волоком; солдаты уставали и падали, задыхаясь от изнеможения, теряя остатки сил.

Навстречу нам шли нескончаемым потоком раненые, обвязанные окровавленными бинтами, некоторые ковыляли на самодельных костылях. Ночь скрывала их лица, но глухие стоны выдавали их мучительные страдания. Их боль незримо передавалась нам, призывая к мщенью за их увечья, за их павших товарищей.

Под берегом, прямо в крутизне обрыва, я видел множество выдолбленных блиндажей и землянок. В некоторых жили гражданские, в других располагались штабы командиров и политработников высокого ранга, если судить о выставленной охране.

Перед рассветом батальон расположился в небольшом заливишке, заросшим непролазным кустарником. Там уже кто-то недавно квартировал – была вырыта целая система переходов, блиндажей и укрытий. Всё это было хорошо замаскировано от воздушной разведки противника.

Рядом с перевязочным пунктом обосновались мы. В траншее, в ожидании медицинской помощи, всё время толпились раненые. Одна медицинская сестра и два санитары никак не успевали делать перевязки всем нуждающимся.

У нас в батальоне имелись походные кухни, повара приготовили нам пшённую кашу с консервированным мясом, к каше выдали хлеб и сахар, и мы наконец вдоволь наелись. После обильного завтрака разрешили отдых – подозрительно царский подарок, что-то должно произойти.

После обеда, ближе к вечеру, весь личный состав собрали на обширной террасе, заросшей по периметру кустарником и свисающими со склона лианами дикого винограда, заплетающегося за деревянные клетчатые шпалеры с опорами из ржавых труб.

Перед нами выступил командир пулемётного батальона старший лейтенант Ананьев.

– Товарищи бойцы и командиры! Сегодня, как только стемнеет, мы выступаем на передовую. Поможем нашим товарищам защитникам города Сталинграда отстоять подступы к Волге. Нам поставлена задача не пропустить врага, и мы не пропустим его. Клянёмся! – Он поднял сжатую руку в кулак и ещё раз твёрдым голосом прокричал: – Клянёмся!

Весь батальон, воодушевлённый порывом призыва, трижды прокричал:

– Клянёмся! Клянёмся! Клянёмся!

– Будем же, товарищи, мужественны и стойки. Мы на своей земле, пусть горит эта земля под ногами фашистов. Силы гитлеровцев с каждым днём таят, а наши, напротив, возрастают. Сталинград станет могилой врагу и отправной точкой на пути их бегства в Германию! Мы забросаем их окопы их же трупами!

После этого краткого выступления нашего командира проверили боеготовность и сохранность станковых пулемётов, короткоствольных карабинов, выстрел которых был громче обыкновенной винтовки. Ими вооружались подносчики патронов и вторые номера. На каждый пулемёт, оказалось, по 3—4 коробки пулемётных лент патронов.

Когда наступили сумерки, мы снова двинулись вдоль береговой кромки реки в южном направлении по бездорожью, и снова трудности... трудности...

А навстречу вновь и вновь двигаются раненые к переправе. Как их много, не сосчитать! Тяжелораненых везли на телегах, но большей частью несли на носилках санитары, в основном женщины и совсем юные девушки. Раненые стонали от тряски, ругались, на чём божий свет стоит, матом, никого не стесняясь, да на них никто и не обижался, потому что обижаться было некому, мысли их были заняты своей, может быть, гораздо горшей болью, чем у стонущего. Все нуждались в сострадании, а способных выразить его не было, они просто отсутствовали, а если точнее выразиться, сами нуждались в нём, в этом сострадании. Самое хорошее и приемлемое – это молчание. Такое было время – жестокое и беспощадное, лишившее людей тонкостей отношений в экстремальных моментах, когда над всем довлеет оружие и грубая сила войны, неразбериха и жестокость.

Раненые сторонились, пропуская нас, очередников, идущих на их место, торопиться им было уже некуда. Немногие откликались на наши вопросы, каково, мол, там в этом самом аду? Другие, поглощённые внутренней борьбой со своей болью, отвечали:

– Придёте на место, сами увидите, если дойдёте. Шагайте быстрее...

Раненый в голову и грудь моряк, в разорванной окровавленной тельняшке, полулёжа на самодельных носилках, которые несли две молоденькие санитарки, хриплым голосом кричал:

– Поторапливайтесь, тусы! Прячетесь здесь под обрывом берега, а там, на передовой, люди гибнут!

– А ты, храбрец, развалился, как боров, две девчонки тебя тащат, а ноги-то твои целы, мог бы и сам идти. Поддерживать им тебя было куда сподручнее, – крикнул кто-то из пулемётчиков герою-моряку, отчего тот вмиг замолк.

Пулемётчики и так шли на пределе сил, таща на себе непомерный груз вооружений и амуниции. Нам было больно и обидно слышать вот такие незаслуженные упреки, но, видя страдания этих бойцов, невольно мнимое чувство собственной вины перед ними мы перекладывали на себя. Всё же крутой берег Волги маскировал, делал невидимыми и защищал нас от снарядов и мин неприятеля. Двигались мы по одному, поэтому колонна растянулась на большое расстояние.

Баный овраг переходили выше береговой черты, по извилистой тропинке, протоптанной ещё до войны местными жителями, ходившими к Волге купаться и отдыхать на берегу.

Немцы заметили движение колонны и открыли огонь по Банному оврагу из пулемётов и миномётов. Бойцы пулемётного батальона врассыпную бросились, ища укрытий на голой земле. Пули со свистом проносились так близко над нашими головами, что становилось не по себе. Несколько мин с пронзительным завыванием упали в акваторию Волги и Баный овраг, совсем рядом с нами. Три из них с шипением вонзились в косогор оврага, но взрыва почему-то не последовало.

На землю, дурманя нам голову прохладой, опустилась глубокая ночь. Было тепло, дрожащие звёзды еле уловимым миганием ласково подмигивали нам, навевая гипнотический сон из глубин необъятного космоса, почти полная луна освещала землю до мельчайших подробностей, в различных видимых местах вспыхивали фейерверки разрывов мин или снарядов, присоединяя свой зловещий грохот к общему неугомонному фону звуков войны.

После короткого привала, который был использован командованием для разведки, батальон снова двинулся в путь. Возможно, в полночь мы подошли к оврагу Долгий. Привал мы

сделали на пологом склоне этого оврага. Уставшие бойцы после утомительного перехода легли на землю отдыхать, и многие мгновенно уснули.

Командиры рот были вызваны к командиру батальона. Я приказал командирам отделений доложить мне о наличии личного состава, имущества и снаряжения и тоже со спокойной совестью прилёг прикорнуть, и, засыпая, услышал приказ от командира батальона, присланный посыльным:

– Товарищ младший лейтенант, вас требует к себе командир батальона.

Я вскочил на ноги и стал торопливо оправляться – стряхнул с обмундирования землю, заправил под ремень гимнастёрку, взглянув на своих ребят, заметил в их взглядах недоуменные вопросы, хотя моё лицо выражало не меньше недоумения, чем у них.

– Ну, я пошёл. – И, пригнувшись, двинулся следом за посыльным.

В небольшом тесном подвальчике сгоревшего дома за узким столиком сидели командир батальона, окружённый своей свитой ближайших командиров и политработников. Я протиснулся в узкий проход и доложил о своём прибытии:

– Товарищ старший лейтенант, по вашему приказанию командир первого пулемётного взвода первой роты младший лейтенант Ковалёв прибыл.

Командиры рот потеснились, пропуская меня к столу. На нём лежала чистая, без каких бы то ни было отметок, топографическая карта города Сталинграда, разделённая на улицы, кварталы и отдельные дома, как это выглядело до войны. Сейчас на местности лежали руины, и понять, что где, можно с большим трудом, и то местному жителю, знавшему хорошо город раньше.

Карта освещалась тусклым фитилём «катюши» – коптилки, изготовленной из сплюснутой гильзы в месте выходного отверстия патрона, вставленного фитиля и залитого внутри керосина. Свет её был слаб и постоянно мигал, поэтому карту я видел с большим напряжением зрения.

– Лейтенант, мы тут посоветовались и решили вас послать в разведку всем взводом. В разведку, так сказать, боем, если хотите. Карту читать можете? – спросил комбат, пристально глядя мне в глаза.

– Так точно, знаю, – торопливо ответил я, обиженно глянув в глаза комбата, на что он еле заметно улыбнулся.

– Смотрите, вот это самый овраг Долгий, на котором мы в данный момент находимся, – многозначительно провёл он пальцем по карте, – впереди широкая линия – это главный проспект города. Нам совсем неизвестно в данный момент расположение немцев. Линия обороны до сегодняшнего вечера проходила по этой улице. Нам нужно знать, перешли фашисты этот рубеж или нет? С этой целью мы и посылаем вас. Постарайтесь разведать подробнейшие данные о месте нахождения противника. Узнавайте сведения у каждого встречного человека, продвигайтесь вперёд бесшумно, только ползком, старайтесь не дать возможность противнику обнаружить своё присутствие. При первом обнаружении гитлеровских войск остановитесь, определите ориентировку на местности и немедленно вышлите нам связного с подробным донесением. Этот приказ нужно выполнить немедленно. Вам ясно задание, лейтенант?

– Так точно, – ответил я. Когда передо мной ставили задачу, смотрел я на командира батальона, и мне самому хотелось подробнее изучить карту и запомнить расположение домов, для того чтобы ориентироваться на местности более уверенно. Своей карты у меня, к сожалению, не было. – Разрешите, товарищ командир батальона, ещё раз поближе взглянуть на карту?

– Пожалуйста, пожалуйста...

Все молча смотрели на меня. После минутного изучения карты я чётко знал район и, выпрямившись, спросил:

– Разрешите, товарищ старший лейтенант, выполнять приказ?

– Идите... приказываю вам быть предельно осторожным, берегите людей.

Я вышел из подвала и вдохнул полной грудью свежего воздуха. От спёртого, пахнущего плесенью воздуха у меня уже начала кружиться голова. Следом за мной вышел лейтенант Топчиев, наш командир роты.

После того как я узнал, что мне предстоит идти в разведку вместе со всем своим взводом, меня это сильно озадачило, я гадал над тем, кому я обязан этой чести. Оказалось загадка довольно проста – первый взвод займёт начальную территорию от оврага Долгий, а остальные последуют дальше по линии обороны. Но эти знания мне пришли позже, а тогда я вдруг почувствовал и осознал, что я стал взрослым, мне поручили такое важное, ответственное дело. Я в один миг вырос в своих глазах и не узнавал себя – в сознании произошёл какой-то качественный скачок моего прозрения.

По пути к расположению взвода мне что-то говорил лейтенант о бдительности, осторожности и осмотрительности, но, слушая его, я всё время напряжённо думал о своём: и надо же, в одну минуту я стал взрослым, равным всем солдатам, окружавшим меня, и даже тем, кто участвовал в сражениях, был ранен и получил боевые награды. И ответственность на меня легла во много крат больше, чем я имел до этого, хотя, если подумать, не такой уж я и новичок. На передовой я был менее суток, имел ранение и награждён медалью «За отвагу».

– ...возьмите воды как можно больше, – настоятельно рекомендовал мне лейтенант.

Как только мы с лейтенантом подошли к пулемётчикам, ждущим с большим нетерпением свою судьбу, они обступили нас плотным кольцом и засыпали вопросами.

Лейтенант приказал построить взвод в траншее, кратко разъяснил задачу и приказал приступить к немедленному его исполнению.

– Приступить к выполнению боевого приказа, товарищ командир взвода, – приказал ротный.

– Есть приступить к выполнению боевого задания! – ответил я, но развернуться, как положено по уставу, не смог, поэтому, согнувшись, вышел из блиндажа.

Экипировавшись полным боевым снаряжением, взвод через несколько минут выступил на выполнение боевого задания. Из числа подносчиков патронов я выделил по одному бойцу с каждого расчёта, они должны находиться рядом со мной для осуществления связи.

Ночь была тёмной, а если добавить вспышки осветительных ракет, отчётливой видимости почти не наблюдалось. Идти взвод должен углом вперёд, что значит первым, выходит второй расчёт и продвигается вперёд ползком, перебежками, где как позволяют возможности и условия, при этом со всей осторожностью всматриваясь и вслушиваясь во всё, что покажется подозрительным. Обо всех наблюдениях незамедлительно докладывать мне.

Первый расчёт движется левее на двадцать метров, и такое же расстояние позади второго расчёта. Третье отделение, соответственно, занимает такую же позицию, что и первый расчёт, но только с правой стороны. Я, как командир взвода, со своими связными нахожусь в центре треугольника, чтобы осуществлять общее руководство наикратчайшим путём.

После уточнения всех деталей передвижения я первым поднялся по крутому обрыву оврага Долгий на начальный склон к берегу Волги. Только что взошедшая луна отчётливо вырисовывала силуэты развалин набережной, туманная даль в город заканчивалась как максимум на восьмидесяти метрах. Далее всё тонуло в отдельных флуоресцентных вспышках разрывов в ночном мареве. В ночное небо то и дело с треском взлетали осветительные ракеты с хвостами отлетающих искр; наугад в пустоту остервенело, не жалея патронов, бил вражеский пулемёт, служивший мне хорошим ориентиром.

По этому поводу мне вспомнилось, на одно только мгновение, как в детстве я ходил на рыбалку и острой тыкал наугад в дно в надежде наколоть на неё рыбину, но удача никогда мне не улыбнулась – острога всегда была пуста.

Стрельба вражеского пулемёта продолжалась, облегчала нам задачу, выдавая место своего гнезда, мы могли более раскованно следовать вперёд, зная границы обороны противника.

Мы продвинулись на сотню метров, и я подал сигнал остановиться, первым делом я осмотрелся. Прямо передо мной, в нескольких метрах, лежал мёртвый боец, широко раскинув руки, будто на прощанье приветствовал необъятное небо, куда собирался улететь. В его застывших открытых глазах гуляла луна. Я осторожно, с суеверным страхом заглянул в них, отблеск погас, и вот там, в их глубине, я увидел вдруг чьё-то знакомое отражение, с испугом я отшатнулся, и глаза вновь сверкнули лунным сиянием. На прощанье я пожелал герою счастья в загробной жизни, свернул правее и уполз дальше своей дорогой.

Сразу за мной выдвинулись бойцы второго расчёта. Они тащили пулемёт готовый к бою немедленно. Во время движения через определённые промежутки времени по моей команде мы замирали, всматриваясь до рези в глазах по сторонам и прислушиваясь к каждому незначительному шороху. Таким образом, мы настойчиво и с упорством продвигались вперёд к линии фронта, уже приблизительно определённой нами.

Впереди, то дальше от нас, то совсем рядом, рвались мины, раздавалась пулемётная и автоматная перестрелка, это свидетельствовало о близости нашей цели, для достижения которой мы прилагали такие усилия.

На какое-то короткое время второй расчёт выпал из поля моего зрения. Я ускорил своё продвижение и вскоре наткнулся на груды обгорелых остатков от дома, за которым и обнаружил пулемётчиков. Они доложили, что временами из темноты слышат человеческую речь из-под завала дома. Я направил туда в разведку для уточнения сведений рядового Дорина, своего земляка из Полпино, что расположено буквально под Брянском, за железнодорожным вокзалом. Ждать пришлось недолго, он вернулся и вполголоса доложил:

– Товарищ командир, под развалинами дома подвал, оттуда доносятся голоса на русском языке, как минимум один принадлежит женщине.

Стали искать вход в убежище. Вскоре в обломках обнаружили узкую лестницу, ведущую вниз к деревянной, дощатой, разошедшейся двери, сквозь щели которой просвечивал тусклый, еле заметный, серенький свет. Дверь была не заперта, и мы без труда проникли внутрь. Нас обдал спёртый, сырой, с запахом мертвечины, неприятный воздух. Подвал оказался высоким и довольно обширным. В тусклом свете коптилки я насчитал одиннадцать человек гражданского населения, трое из них оказались ранеными. Они тихо лежали на полу в покорном ожидании своей участи. Отдельно лежал мальчик лет пяти, с осколком, торчащим из ноги. Нога опухла, вызывая у матери глухие стоны отчаяния и безутешного горя.

– Граждане, скажите, пожалуйста, немцы здесь были? – спросил я.

– Нет, – ответили все единогласно, – и русских солдат не видели уже давно. Помогите нам, у нас ни медикаментов, ни перевязочных материалов нет. Что нам делать? У нас отчаянное положение. Помогите, пожалуйста. Страшно нам под бомбёжками, продовольствие и питание на исходе, мы одни здесь погибнем. Мы бы давно ушли, если бы не раненые.

Я смотрел на этих людей и диву давался их малодушию. Видимо, вся эта обстановка войны, накладывая проблемы одна на другую, привела сознание в тупиковое состояние, пробудила непомерный страх: утрата имущества и жилья, ранение членов семьи – всё в совокупности лишило веры к способности бороться. Времени у меня не было уговаривать их опомниться и взять свою судьбу в свои руки.

– Граждане, среди вас семеро здоровых людей, а вы сидите здесь и ждёте помощи. Мы находимся в ещё более трудных условиях. Без посторонней помощи вы самостоятельно можете добраться до берега Волги по Долгому оврагу. Вам нужно преодолеть каких-то четыреста метров! Раненых поддерживайте с двух сторон. Ребёнка мать может свободно нести, осколок только не вытаскивайте. А там вам помогут, недалеко от Долгого оврага имеется перевязочный пункт. К утру вы ползком туда доберётесь. Но по склону оврага можно идти во весь рост, если начнут стрелять, ложитесь и переждите. До утра времени много. Мальчика нужно срочно показать врачу – иначе останется без ноги, в лучшем случае.

Мы оставили им несколько перевязочных индивидуальных пакетов и ушли выполнять своё задание.

По-прежнему ничего не изменилось, дорогу нам освещала луна. Миномётный обстрел и обстрел осветительными ракетами стали немного реже. Только расстояние до конечной цели сокращалось, а опасность – пропорционально возрастала.

Следующая встреча с гражданским населением состоялась тоже в подвале, но и она никаких сведений о расположении немцев не дала. Докладывать в штаб батальона пока практически нечего, но и держать в неведении начальство тоже опасно. На всякий случай я послал связного со сведениями о том, что нахожусь в трёхстах метрах от центральной улицы; немцы, судя по их обстрелам, находятся за улицей, в двухстах метрах от неё. Поэтому для выдвижения батальона никаких препятствий не наблюдается.

Взвод продвигался от Волги к центральной улице города – проспекту имени Ленина, параллельно оврагу Долгий, который тянулся левее нас в нескольких десятках метрах. По пути нам встречались отдельные, нетронутые ни пожаром, ни разрушениями от взрывов деревянные здания, покинутые, с заколоченными досками крест-накрест дверями и окнами. Некоторые окна осиротело глядели пустыми глазницами выбитых стёкол вместе с рамами и болтающимися на одном гвозде крестовинами досок, оторванными мародёрами или нуждающимися в ночлеге обездоленными людьми.

Переползая от дома к дому, мы неожиданно оказались перед главной улицей города. Асфальтированное полотно дороги, местами заваленное горелыми брёвнами, кирпичами, искорёженное металлом от взорванных машин, повреждённое воронками мин, снарядов и авиабомб, свидетельствовало о том, что оно давно не выполняло своих функций. С левой стороны от меня дорога плавно уходила с небольшим изгибом под уклон оврага.

Таким образом, цель нашей разведки успешно завершена. Я внимательно осмотрелся и ничего подозрительного не заметил, срочно отправил очередного связного с этим важным донесением, а сам приказал взводу окопаться, выставив наблюдателей.

Прямо перед нами, на небольшом спуске, вдоль улицы, на противоположной её стороне, возвышались два выгоревших полуразрушенных кирпичных здания; окна зияли пятнами прямоугольников, высвечиваясь лунным светом на фоне чёрных закопчённых стен. За ними, по моим предположениям, скрывался враг. То и дело из глазниц оконных проёмов зданий поблескивали в ночи вспышки от выстрелов стрелкового оружия, а из-за домов с характерным звуком вырывались мины.

Немцы проглядели наш приход и думали, во всяком случае, надеялись, что здесь, где мы сейчас окапывались, по-прежнему находятся те воинские части, с которыми они соприкасались в дневное время и от которых понесли колоссальные потери.

Я и сам не знал и терзался догадками, что здесь произошло, в результате чего был оголён весь берег оврага Долгий. Обнаружилось, что всему виной был внезапный прорыв противника к берегу Волги в этом месте. Непосредственно возле оврага наши оборонительные силы были уничтожены полностью, а оставшиеся в живых бойцы после прорыва немцев к Волге подвинулись, воссоединившись с боеспособными силами пехотного полка. Хотя ночью трудно было что-либо разглядеть, а, следовательно, и понять, но мы оказались здесь вовремя и подоспели кстати! Немцы опоздали, так как значительные участки левой стороны дороги оголены и проход противнику был свободен.

Дальше, метрах в двухстах от оврага, оборонительная система была в полном порядке, с достаточным количеством вооружения и численностью войск, если судить по нашим возможностям к этому времени. А если учесть наше прибытие, то оборона была устойчивой и не внушала новичкам опасений.

Приблизительно через час, а может, и того меньше, к моему удивлению, весь пулемётный батальон в полном составе и в полном комплекте вооружения уже прибыл на место назначе-

ния и стал делать полномасштабные укрепления. Оказывается, как только комбат получил моё первое донесение, чтобы выиграть драгоценное время, отдал приказ батальону выдвинуться следом за нами.

После уточнения расположения пулёмётных гнёзд началась утомительная работа по извлечению грунта сапёрными лопатами. До тридцати сантиметров земля была сравнительно податлива; глубже начинался слой мергеля, который пришлось рубить кирками, ломami и топорами, лопата была бесполезным инструментом, разве что для отбрасывания вырубленного грунта. Понятное дело, что тихо такую работу выполнить невозможно.

Враг, который должен был находиться, по нашим предположениям, в ста – ста пятидесяти метрах за дорогой, ни на что не реагировал. Мне стало ясно, что немчуры там нет или их так мало, что о наступлении они не помышляют, а ведут наблюдение в ожидании в своих рядах подкрепления. Видимо, только ночь и малочисленность противника спасла нас от преждевременного наступления гитлеровцев на наши неподготовленные оборонительные рубежи.

Постепенно наши бойцы и командиры пришли к такому заключению – окопы стали копать без всякой предосторожности: сильно стучали инструментами, ходили в полный рост, открыто курили и разговаривали вопреки всяким инструкциям и уставам.

Работа, однако, шла очень медленно: ночь была душной, воздух крепко устоявшийся, ни ветерка на небе ни тучки, вода из фляжек давно выпита – пришлось посылать команду к берегу за этой живительной влагой. Выкопали окоп на глубину положения «с колена», пулёмётчики решили, что этого достаточно, другие, побывавшие раньше в боях, категорически запротестовали. Они стояли на том, чтобы копать окоп в полный рост. Я, как командир взвода и имея данной мне властью полномочия, эти споры прекратил:

– Копать окопы на глубину в полный рост! – приказал я, и работа продолжилась.

Первое отделение расположилось на косогоре оврага Долгий, земля там оказалась наиболее твёрдой, и выкопать бойцы к утру не успели, хотя я и придал им из второго расчёта одного бойца в помощь. Ребята, выбиваясь из последних сил, заканчивали работу утренней зарёй.

Второму отделению повезло больше остальных: они приспособили вырытую жителями города траншею, спасавшую их от бомбёжек, пулёмётчики благоустроили её под блиндаж и соединили с пулёмётным гнездом. В целом, благодаря моим настояниям, укрепления взвода представлялись, по сравнению с другими взводами батальона, более надёжными. Но оценку даст ближайшее столкновение с вражескими силами.

Позиции противника, видимо, находились дальше, чем рассчитывало наше командование, из этого можно предполагать, что ни мы, ни гитлеровцы не знали прошедшим вечером линии обороны друг друга. Вот почему мне не приказали вести разведку дальше до непосредственного визуального соприкосновения с неприятелем, а я допустил преступную безынициативность и не разведал участок за дорогой. В результате этой нелепой ошибки мы сдали метров двести нейтральной полосы врагу без боя, а это могло кончиться трибуналом, так как за каждую пядь земли Сталинграда гибли советские люди.

Наши ночные, уж очень активные безалаберные действия, видно, сильно встревожили фашистов. Пользуясь нашим ротозейством и недальновидностью, а может, скорее всего, и неопытностью, он, неприятель, сумел беспрепятственно подтянуть достаточные силы и сосредоточить их вблизи нашей обороны. Сразу же после завтрака немцы открыли ураганный огонь из шестиствольного миномёта «ванюша», или, как мы его окрестили, «скрипач», по нашим укреплениям. Огонь они вели в шахматном порядке. Пулёмётная и ружейная стрельба в совокупности с миномётным обстрелом не давала высунуть голову из окопа. Мы так и сидели на дне, вжав головы в плечи, наклонившись вперёд, чтобы прикрыть каской низ тела.

Заполыхали уцелевшие деревянные дома, ядовитым дымом заволкло небо, смешанным с поднятой от взрывов пылью. Повисшая густая пелена этого коктейльного смога, вращающе-

гося чудовищными клубами, заслонила солнце, превратив день в сумрачную ночь. Дышать стало нечем, мы задыхались, вдыхая эту губительную отраву.

Сквозь эту огненную завесу смертоносного огня и пыли каким-то чудом прорвался ко мне во второй расчёт, где я находился. Подносчик патронов первого отделения рядовой Пронько и доложил, что прямым попаданием мины весь первый расчёт, кроме него, погиб.

– Товарищ командир, там, в траншее первого отделения, находился и ваш помкомвзвода, старший сержант Комочкин...

– Что с ним? – живо заинтересовался я, надеясь услышать хоть что-то оптимистическое.

– Ему осколком полголовы снесло, – дрожащим голосом проговорил Пронько.

Это сообщение повергло меня в шоковое состояние. От одной только мысли панический страх на некоторое время неожиданно сковал моё тело. Что делать? Ни людей, ни оружия!

– А пулемёт? – с последней надеждой спросил я.

– Пулемёт тоже выведен из строя, я осмотрел его, – говоря это, он был бледен как полотно, сквозь бороздки – вымоины пота на грязном лице – особенно чётко просматривалась смертельная бледность.

– Ты не ранен? – с тревогой спросил я.

– Да вроде как и нет. – Он пошевелил плечами, проверяя своё состояние. Боец с трудом сдерживал слёзы, губы его и руки, держащие на коленях карабин, судорожно подрагивали.

– Оставайся рядом со мной, будешь моим посыльным, – распорядился я.

От третьего отделения не поступало никаких сведений, о его состоянии я ничего не знал, поэтому вынужден направить туда своего нового связного. Как раз в это время немцы перенесли обстрел вглубь нашей обороны. Воспользовавшись передышкой, мы высунули свои носы из окопа и стали пристально сквозь густую пелену смрада всматриваться в противоположную сторону, где находился наш лютый враг.

– Товарищ командир, – обратился ко мне первый номер сержант Кротов, – смотрите, там, за углом дома, немцы устанавливают скорострельную пушку, – он указал рукой на место возле ближнего к нам дома, совсем рядом с нами, где действительно под прикрытием кустарника копошились немецкие солдаты, устанавливая эту злосчастную пушку.

– Выдвинуть пулемёт на позицию, – приказал я голосом, не свойственным мне. Расчёт занял свои места. – Сержант, вначале уничтожь расчёт пушки, потом бей по автоматчикам в оконных проёмах дома.

Кротов прильнул к пулемёту, тщательно прицелился и открыл стрельбу короткими очередями по цели. Я отчётливо увидел, как трое вражеских солдат из прислуги пушки один за другим упали на землю и больше не подавали признаков жизни. В проёмах окон, куда сержант перенёс огонь, автоматчики прятались за стенами, когда пулемётная очередь проходила по их окну. Первые результаты мести за погибших товарищей немного взбодрили меня и придали какой-то уверенности.

Кроме того, мы сорвали планы врага, но ненадолго, только на пару минут. У противника, по-видимому, была налажена оперативная связь внутри подразделений, ибо как только они нас засекли, так незамедлительно обрушили на наши головы миномётный удар. Мины ложились вокруг нас, сужая свой радиус.

Я даже не сообразил предупредить Кротова укрыться, как разорвавшаяся мина сбросила и пулемёт, и стрелка с бруствера в окоп. Пулемётчик был ранен осколком в щёку.

– Коренков, сделай перевязку сержанту, – отдал я распоряжение подносчику патронов, а сам вместе с Топилиным, вторым номером пулемётного расчёта, установил пулемёт на новую позицию. Когда он попытался вести огонь, то обнаружил, что замок пулемёта заклинило. Мы были в прямом смысле полностью обезоружены.

Немцы усердно обстреливали наш квадрат, не давая нам высунуть голову из траншеи; вот тогда я окончательно понял, что значит плохо подготовиться к предстоящему сражению.

Земля всякий раз вздрагивала, как живая, при каждом разрыве. Мины рвались, поднимая и бросая с силой в сгустке чудовищной энергии комья земли, осколки и вихри пыли, подсвеченные лилово-огненными языками пламени, сея смерть и разрушения. Мы сидели на дне окопа в ожидании конца обстрела, не имея возможности достойно ответить.

Наконец разрывы мин прекратились, но вместо них в нашем расположении начали рваться снаряды немецкой пушки. Пока мы сидели на дне окопа, переживая минный обстрел, немцы установили пушку – они провели нас и теперь явно упиваются успехом. Восемнадцать разрывов снарядов насчитал механически я, к счастью, они не могли произвести ни одного точного попадания с такой короткой дистанции: видимо, специалистов мы уничтожили, а вот дилетанты нас не достали. Всё-таки прогресс налицо.

Причин для радости в таком критическом положении я не видел, да и думать об этом везении в это время как-то неуместно. Считанные единицы оставались в наших рядах, смерть разила необстрелянных юнцов там, где наступала.

Горькое разочарование и былая уверенность в нашей непобедимости постигла нас столь неожиданно, что мы были в нервном шоке, который своей безысходностью загнал нас в положение, когда нужно было задуматься о самом главном – о своём будущем. Несмотря на то, что наш боевой дух был подавлен, в последний миг я поймал себя на мысли о том, что уверенность в нашей обязательной победе окончательно не умерла. «Как победить врага, оснащённого и вооружённого передовой военной техникой?» – всё время вертелось у меня в голове. Нужно каким-то образом завладеть его оружием. В этом представлялся мне выход, благодаря которому укрепится наша боевая мощь и ослабит неприятеля.

За это короткое время моего пребывания на фронте зло, скопившееся в моей груди к фашистам, требовало выхода, в противном случае оно могло привести к взрыву – необдуманному поступку. Так как обстановка складывалась в пользу противника, то и действия мои должны быть взвешенными и разумными, и вдвойне расчётливыми и предельно осторожными, ввиду того, что со мной были люди, за которых я несу ответственность. Тем более что я могу противопоставить в моём удручающем положении врагу, технически высоко оснащённому всевозможным оружием и численно превосходящим нас в живой силе?

Конечно, мы могли умереть или сдаться в плен, но тогда кто будет защищать мой народ и мою мать? Я был настроен жить и бить врага. Что-то я не заметил, что те, кто призывал нас умирать, стоят рядом с нами, они попрятались в надёжные блиндажи и, как псы из подворотни, тявкают, призывая нас идти на смерть. Это меня сильно напрягло и настораживало – звало постоянно думать своим умом, как выполнить приказ и сохранить людей. Но это не получалось – люди, мои пулемётчики, геройски умирали, сжав зубы. Меня самого легко ранило в левую руку. Сделав перевязку, я остался в строю, хотя имел право покинуть его на законных основаниях. Мы не покинули занимаемых рубежей, но враг пока не решался наступать, что его сдерживало, оставалось непонятным.

Звуки разрывов стали постепенно ослабевать, удаляясь вглубь обороны.

– Кто живой? – спросил я, поднимая голову.

Земля ссыпалась с моей каски на спину. Мы сидели в разрушенном окопе, засыпанные землёй по пояс, сброшенной на нас разрывами мин и снарядом, и чудом все здоровые, не получив ни одной царапины. Никакого перекрытия над нами уже не было, его сдуло, как поветь с сарая, и разметало по брёвнышку рядом с траншеей.

Раненый сержант Кротов сидел возле рядового Еркина, прикрытый кем-то плащ-палаткой, прислонившись спиной к стенке окопа. Я с большим трудом выкарабкался из-под земляного завала и на четвереньках подполз к раненому. Он тяжело дышал и что-то несвязно бормотал. Из-за грохота разрывов трудно понять, что он хочет сказать, тем более полученное им ранение в щёку затрудняло членораздельность его речи. Я приблизился к его лицу и спросил:

– Как ты себя чувствуешь, товарищ Кротов?

Он ничего не сказал мне в ответ. Только по прошествии паузы сквозь стиснутые зубы промычал:

– Пить...

Вода у нас была на исходе. Я снял с ремня свою фляжку и встряхнул ею – на дне оставалось несколько глотков этой живительной влаги, которой должно хватить ему утолить жажду. Не медля ни секунды, я открутил пробку и влил всю воду без остатка ему в рот.

Вслед за тем как вторично наложил слой бинта с ватой на набухшую кровью повязку на ране Кротова, я ещё раз крикнул:

– Есть кто живой?

Первым отозвался Сердюков. Он выпрямился, ссылая с себя слой земли, протирая глаза и отплёвываясь, проговорил:

– Голова гудит, ничего не слышу – явная контузия. А так вроде живой, рвусь в бой, товарищ командир.

– Товарищ сержант, будете моим помощником вместо погибшего старшего сержанта Комочкина, – отдавая распоряжение, я почувствовал какую-то отрешённую уверенность в своих силах в этот критический момент, чувствуя гибельное положение, вроде «умирать так с музыкой».

– Слушаюсь, товарищ командир, выполнять обязанности помощника командира взвода! – весело отозвался сержант, нутром почувствовав моё настроение.

– Уточните, сколько осталось людей и вооружения в каждом расчёте, и доложите мне, – с ходу дал ему поручение.

Разрывы то и дело с определённой методичностью переносились из глубины нашей обороны к нам и обратным путём удалялись вглубь, оставляя нас на некоторое время в покое, будто предлагали подумать о дальнейшей судьбе.

Мы вели наблюдение за поведением противника, делая это осторожно, не выдавая своего присутствия. Земля вокруг наших окопов была дважды перекопана и трижды перемешана; многочисленные воронки усеяли прилегающую территорию, а так же прослеживались уродливыми язвами на всей территории, насколько охватывало зрение по всей округе.

Распределив посты наблюдателей, сам я решил осмотреть пулемёт. У него оказалась погнутой щека от удара осколком мины, в результате чего ход замка был затруднён настолько, что о стрельбе из этого пулемёта вообще думать не приходилось, причём в полевых условиях такой дефект исправить практически невозможно. Это усугубляло и без того наше безвыходное положение.

Мы фактически были разоружены: кроме карабинов без штыков, другого оружия у нас не было. Жажда всё время неотступно давила на наше сознание своей неотвратимой требовательностью, настойчиво превращая нас в безвольных людей, способных пойти на любой необдуманный шаг, вплоть до предательства.

Я молил Бога, чтобы немцы не полезли штурмом на нашем участке – противостоять их самой безобидной атаке у нас не было ни сил, ни средств, нас смяли бы, даже не остановившись, и прошли бы напрямик до Волги, не встречая никакого сопротивления. Было только одно утешение – день шёл на убыль. Обстрел не утихал, мы искали всевозможные попытки, чтобы иметь возможности обороняться.

– Товарищ младший лейтенант, – обратился ко мне, приползший по воронкам, прячась за грудками битого кирпича, остатками сгоревших построек и другими укрытиями, помощник командира взвода сержант Сердюков, – я осмотрел первый и третий расчёты. В живых осталось семь пулемётчиков и один раненый, двенадцать пулемётчиков пали смертью храбрых, все пулемёты выведены из строя.

Это сообщение ещё больше опустошило меня. Я не мог сообразить, что мне в таком случае делать. Ведь всемером, безоружные, смешно сказать, никакой силы для врага мы не пред-

ставляем. Обстрел наших позиций продолжался врагом без перерыва весь день. Такая настойчивость неприятеля выводила нас из равновесия. Я чувствовал, что моё самообладание крепло решимостью не поддаваться панике. Моё поведение передавалось оставшимся бойцам, и наш маленький коллектив креп решимостью отстоять своё священное право на жизнь и не пропустить врага на этом участке к Волге.

– Товарищ командир, из трёх пулемётов один можно собрать.

– Так мы и поступим! – обрадовался я.

До наступления темноты пулемётчики, вооружённые карабинами, вели наблюдение за траншеями противника. Огонь открывать я им категорически запретил. Немцы со своей стороны не проявляли особой активности на нашем участке, хотя на других отрезках расположения нашего батальона до самой темноты шла активная перестрелка с обеих сторон. На сегодняшний день мне требовалось затишье, хотя бы небольшое, чтобы вынести раненого Кротова к берегу для переправы на левую сторону Волги. Кроме этого, нужно было разведать прилегающую к нам территорию и узнать, кто находится у нас справа и слева, собрать разбитые пулемёты в одном месте и смонтировать из них хотя бы один годный, способный стрелять. Необходимо также похоронить павших своих товарищей и послать кого-то к Волге за водой.

Ребята успешно справились с порученным им делом. Более того, мой помощник, сержант Сердюков, обходя тыльной стороной сгоревший дом, расположенный в десяти метрах позади нас, обнаружил под его останками отличный кирпичный подвал.

– Вход в подвал расположен с противоположной стороны линии обороны. Я уже там побывал и частично исследовал, даже оставил вышедший из строя пулемёт, чтобы не терять зря время. Обзор отличный, маскировка естественная – как с земли, так и с воздуха.

Я немедленно обследовал новое убежище и остался им очень доволен. В подвале, видно по всем признакам, прятались жители дома: там была кое-какая мебель и даже керосиновый фонарь. Большим подарком для нас было в данный момент наличие двухведёрного бака с чистой прохладной питьевой водой, наполненного на три четверти его объёма. Бойцы с жадностью набросились на воду, вдоволь напились, но жажда всё равно не покинула нас. Так как организм был обезвожен, то продолжали пить, не чувствуя меры. Тогда мы постановили – через определённое время каждому бойцу выдавать двести граммов воды. Ещё не до конца ясно, сколько времени нам предстоит здесь находиться.

Сумерки сгустились настолько, что видимость сократилась до самой малой. Настало время отправить раненого сержанта Кротова в тыл к Волге на переправу. Я выделил двух бойцов для выполнения этой деликатной операции. Они уложили его на плащ-палатку и медленно потащили в обволакивающую темноту ночи. Им было строго-настрого приказано: по завершении задания вернуться назад, принести воды и продукты питания.

Мы остались вчетвером. Первым делом перетащили из разрушенного окопа в добротный каменный подвал повреждённый пулемёт, боекомплект, амуницию, а также принадлежащие нам вещи. Из подвала при строительстве был выведен хозяевами дома дополнительный вертикальный лаз, видимо, прямо на кухню, чтобы не выходить зимой на улицу, а доставать продукты напрямую из кухни. После пожара хозяева из-за ненужности заложили его обгорелыми брёвнами и засыпали весь верх подвала толстым слоем земли толщиной более метра, а сверху забросали оставшимися обгорелыми материалами, разбросанными по земле вокруг бывшего дома.

Мне требовалось сделать донесение о состоянии дел во взводе, пополнить запасы воды и продовольствия и попросить пополнения. О батальоне мне ничего не известно, связь была прервана, как только завязался бой, хотя я посылаю посыльного, но он так и не вернулся. Я приблизительно догадывался, что судьба батальона так же трагична, как и наша. Немцы изредка вели огонь по нашим позициям – держали нас в постоянном напряжении, изматывали наши

моральные и физические силы. Об этом мы догадались и стали помаленьку привыкать, хотя к смертельной угрозе привыкнуть едва возможно.

Для связи с соседним взводом и командиром роты я послал третьего связного.

Время тянулось медленно, по два бойца я отправил в первое и третье отделения за разбитыми пулемётами.

Пока мы с Сердюковым собирали из трёх разбитых пулемётов один, способный стрелять, подносики патронов Фроликов и Карпов очистили вертикальный лаз и откопали рядом с ним с внешней стороны подвала пулемётное гнездо с бруствером. С боков гнездо обложили кирпичом, сверху изготовили из обгорелых концов брёвен накат и всё это завалили землёй и заделали камуфляж из подручного материала. Это укрепление напоминало дот и могло выдержать попадание мины или снаряда. От удовольствия мы потирали руки.

Работа заполнила всё наше время, отдыхать не пришлось. Стало прохладно, значит, время перекаатило за полночь. Незаметно нервы успокоились, уже всё не казалось так безнадежно потеряно. Часа в три к нам вернулся посыльный, посланный мной в штаб роты, в сопровождении пулемётчика, единственного красноармейца, оставшегося в живых среди погибших в бою бойцов второго взвода. Они поведали нам драму, от которой в жилах похолодела кровь.

По всей линии окопов, занятой нашей ротой, три четверти личного состава были или убиты, или ранены. Это если учесть, что немцев они ещё даже в глаза не видели. Раненые, способные передвигаться самостоятельно, уползли к берегу для получения медицинской помощи. В роте даже некому оказать первую медицинскую помощь. Тяжелораненых только сейчас начали вытаскивать к берегу.

Командир батальона ранен, но строй не покинул, продолжает командовать батальоном, вернее, его жалкими остатками. Наш ротный командир лейтенант Топчиев в первые же минуты обстрела попал под прямое попадание снаряда, получил множественные осколочные ранения, несовместимые с жизнью, умер мгновенно, не произнеся ни слова. Многие пулемёты разбиты. Одна только мысль об этом бросает в панику. Не знаю, что удерживает бойцов от безумства? Страх смерти, любовь к Родине или отчаянное положение, а может, неизбежность?

И всё это следствие халатного отношения к своим обязанностям, неимения достаточного боевого опыта, бравады и пренебрежения опасностью. Большинство окопов не выведены в полный рост, не откопано ни одного хода сообщения, по пустыкам выдавали место своего укрытия. Короче говоря, полное неумение ведения и видения военных действий, слабая подготовка командного состава, которые все свои успехи видят в штыковом бою и криках «Ура!» в атаках! У всех преобладало чувство превосходства советского солдата над противником, которое и губит храбрецов – потомков богатырей земли русской!

Мы собрали документы, пайки и личные вещи погибших товарищей и немного подкрепились первый раз за всё это суматошное время. Я назначил караул, и мы подготовились вздремнуть, как вдруг на пороге подвала появился боец, посланный сопровождать раненого в эвакуацию.

– Товарищ командир, мы не можем ползком дотащить раненого сержанта Кротова, дайте нам кого-либо в подмогу.

– Далеко вам до берега ещё ползти? – спросил я, вскипая от негодования.

– Метров сто пятьдесят, прибавьте спуск, да там по берегу метров восемьсот, – оправдывался подносчик патронов рядовой Кореньков.

– Пулемётчик Кореньков, вы так далеко находитесь от передовой, ночь, вы что, и по берегу будете волоком тащить раненого? Ранение у него в щёку, он может самостоятельно идти, если вы вдвоём будете поддерживать его под руки, ему будет легче и вам тоже. Вы что, разум от страха потеряли?

– Так... стреляют? – растерялся боец.

– Вы ведь не на прогулке? Идите, и к утру мы ждём вас с водой и продовольствием! – строгим голосом проводил я стушевавшегося пулемётчика.

– Товарищ младший лейтенант, рядовой Варькин, если нужно, я готов помочь бойцам, – обратился ко мне вновь прибывший пулемётчик из второго взвода.

По всему было видно, что боец никак не мог успокоиться после гибели своих товарищей. «Струхнул парень, да и есть от чего. Не всякий способен пережить это», – подумал я.

– Как ваша фамилия полностью, боец?

– Красноармеец Варькин Тимофей Викторович, – отчеканил он.

– Успокойтесь Тимофей Викторович, вы нам пригодитесь здесь...

Ночь протекала какая-то гнетущая и беспокойная, я чувствовал её всеми фибрами своей души, что нам готовится что-то необычное, это явно витало в прохладном воздухе, да и немец поубавил свой нор, как будто перед бурей. Несмотря на то, что я давно не спал, я не посмел прилечь. Я взял с собой связного и отправился в разведку. Вначале я обследовал соседей слева. Меня встретили пехотинцы, незнакомые мне, мы поговорили с сержантом, который командовал остатками взвода вместо погибшего командира. Бойцов у него оставалось всего девятнадцать человек. На вооружении трёхлинейки образца прошлого века с длинными трёхгранными штыками, ППШ-21 три штуки и один пулемёт ДП-27 на ножках. Гранат, правда, оказалось много, они дали нам четыре штуки в качестве подарка. Бойцы ждали нынче ночью пополнения.

– Ну, брат, ты тут поглядывай в нашу сторону, а то нас всего пять бойцов и один пулемёт, надежды на нас мало, через нас могут обойти и вас, – попросил я на прощанье сержанта, какое-то неприятное предчувствие тревожило мою душу от всей этой напряжённой неразберихи и неслаженности.

С правой стороны вообще никого не было – только развороченные окопы, трупы погибших пулемётчиков и три повреждённых пулемёта. Первые потери наших товарищей в бою, которые только недавно говорили со мной, улыбались, радовались жизни, теперь лежат мёртвыми, изуродованными до неузнаваемости. Некоторые бойцы разорваны на части взрывами от прямого попадания мин и снарядов. Это чудовищное видение останется в моей памяти на всю мою жизнь. Трагический облик войны страшен и непригляден. Предать земле погибших товарищей возможностей у нас не было, мы собрали их документы и со слезами на глазах и израненными душами простились.

На обратном пути я со своим связным притащил один из пулемётов в свой подвал. Дважды я посылал бойцов на место гибели второго взвода за остальными пулемётами и за боеприпасами к ним. Из остатков пяти пулемётов мы отремонтировали два и установили их по бокам подвала в отремонтированных пулемётных гнёздах, только в соответствии с моим изобретением, сделали типа дотов с накатами. К ним мы откопали ходы сообщения, только ползком, на большее у нас не хватило ни времени, ни сил. Правду надо сказать: и ходами-то их можно назвать с большой натяжкой – мы откапывали перемычки между воронками от мин и бомб, создавая укрытие от снайперов и шальных пуль да летящих осколков.

Ночью прилетали наши бомбардировщики и бомбили территорию города, занятую фашистскими солдатами. Разрывы наших авиабомб над окопами врага поливали на наши большие сердца бальзам умиротворения особой отрады и вселяли надежду и поддержку в нашем печальном и безрадостном положении.

Восток стал светлеть, напоминая собой приход нового двадцать пятого сентября, месяца решающего сорок второго года. Мы со своей маленькой командой встречали его во всеоружии, так как отчётливо понимали, благодаря полученному уроку накануне, к чему приводит беспечность и халатная лень.

Утром глаза просто слипались. Оставив бойца наблюдать за действиями противника, остальные позволили себе немного расслабиться. Сон длился только одно мгновение. Мощный

разрыв мины совсем рядом с нашим главным укрытием привёл весь организм в оцепенение и даже, можно сказать, стрессовое состояние. Зато сон мгновенно вылетел – в один миг.

На дворе уже светило солнце, от такого пробуждения я не думаю, что утро мне показалось радужным и приветливым. Оно звучало во всём моём организме одним тревожным вопросом: «Что это? И что делать? Куда бежать и где спастись?» Тревога быстро проходит, сознание возвращается в реальность, и я успокаиваюсь окончательно.

Устрашающая неожиданность, врывающаяся в сознание спящего человека, пугает его больше всего на свете и может привести к расстройству нервной системы, и чаще всего делает его заикой. Заикаться я, правда, не стал, зато уши сильно заложило, появился звон и в голове нудящая боль. Такое явление у нас на фронте частенько бывает – называется контузией, это через недельку пройдёт, если к тому времени не подхватим следующей.

Немцы, не меняя своей обычной тактики, начали свой день с обстрела нашего переднего края. В этом заключалась их обычная практика – подавить наше мужество в зародыше артиллерийско-миномётным огнём. Засевшие в выгоревшем многоэтажном доме напротив нас вражеские пулемётчики и автоматчики вели хаотичный обстрел вразброс.

Я отдал приказ не отвечать на вызов, не дать фашистам обнаружить место нашей дислокации. Они нас не видели и своей стрельбой надеялись вынудить нас проявить себя.

Огонь я решил открыть сразу из трёх пулемётов только в том случае, когда враг ринется в атаку. Связь с батальоном установить не удалось: посланный связной назад не вернулся, что с ним приключилось, я так и не узнал. Оставшихся сухарей и крошек в вещмешках не хватило даже на то, чтобы утолить голод. Воды в бочонке к утру не стало, выпили всю до капли. Ещё в самом начале, когда, казалось, воды было достаточно, я наполнил свою фляжку и не расходовал её – берег на всякий непредвиденный случай. Мы слили воду из сломанных пулемётов в котелки; она была коричневого цвета от ржавчины и имела неприятный вкус и запах ружейного масла. Пили её мы в исключительных случаях по глотку, когда становилось невмоготу.

Пронзительный вой мин, свист пуль проносился над нами, не причиняя нам никакого вреда. Мы сидели в своём небезопасном убежище в ожидании чуда и радовались чему-то неопределённому, загадочному: то ли тому, что обхитрили врага, то ли же своей прозорливости, а может, даже удаче, ниспосланной нам кем-то неведомым.

Тем не менее мы были, как говорится, начеку в ожидании неприятеля. Напряжение возрастало с каждой минутой, но он, фашист, чего-то выжидал, не решался, всё прощупывал каждый квадрат нашей территории, выпуская туда очередную наживку – смертоносный заряд. Я в свою очередь на провокации не поддавался, рисковать своими людьми мне не было никакого резона, нас вместе со мной оставалось шестеро бойцов – это минимум, с которым мы с колоссальными трудностями могли управляться с тремя пулемётами.

Из своих укрытий мы неизменно вели наблюдение за действиями противника за исключением тех моментов времени, когда шёл оружейно-миномётный обстрел непосредственно нашего участка. Как только огонь переносился в другое месторасположения наших войск, наблюдение возобновлялось.

Я видел и слышал, что обстрел по всей линии нашей обороны всего батальона ведётся столь же активно, как и у нас. Из разных мест слышались громкие победные призывы «Ура!» Они будоражили воображение, и перед взором вставали яркие героические картины сражения.

Нами почему-то никто не интересовался, заградительной пехоты непосредственно на нашем участке обороны не было, а вот почему – это было покрыто тайной. Как я ни думал, но вразумительного ответа так и не нашёл, видимо, оттого что овраг Долгий до самой Волги был занят противником.

И вот наступил тот долгожданный и весьма волнующий для меня момент, когда группа немецких солдат численностью до пехотного взвода один за другим воровато вывалилась из-за угла сгоревшего кирпичного дома, пригнувшись, прячась за укрытиями, они стали про-

двигаться к нашей линии обороны. Немцы, видимо, надеялись, что на нашей стороне дороги никого нет и они легко, без потерь и особых усилий захватят эту территорию и сделают к утру оборонительные укрепления, тем самым расширив и присоединив новый плацдарм к уже захваченному участку оврага Долгий.

Я наблюдал из своего блиндажа за этой захватывающей сценой, вцепившись в ложе карабина с такой силой, что пальцы моей руки задеревенели. Дождавшись, когда солдаты врага вышли на середину асфальта улицы Ленина, приказал открыть огонь сразу из трёх пулемётов.

Это был один из самых волнительных и счастливых моментов в моей жизни на сталинградской земле. Три пулемёта поливали врага перекрёстным огнём из трёх точек. Они явно не ожидали такого гостеприимства с нашей стороны, солдаты в панике заметались на голом асфальте, добежать до укрытий они не успевали, падать на асфальт не имело смысла ввиду отсутствия укрытий. Пули точно находили свои цели, метко настигали врага, беспощадно выкашивая их ряды. Только единицам удалось унести ноги, другие же остались украшать своими телами главную улицу города Сталинграда.

От неожиданности противник не успел отреагировать, а когда опомнился и увидел, что спасать уже некого, открыл ураганный огонь из всех доступных ему огневых средств по нашему участку фронта. Я приказал всем бойцам взвода срочно укрыться в подвале, что они незамедлительно и исполнили.

От близких разрывов мин и артиллерийских снарядов наше убежище содрогалось, готовое вот-вот рухнуть, похоронив нас под собой заживо. К нашему счастью, прямого попадания не случилось. Мы сидели вдоль стен на земляном полу, низко склонив головы к животу, прикрывая его каской, надетой на голову. Такая была убеждённости у бойцов – в случае попадания каска спасала и голову, и грудь с животом.

Не знаю, что думали мои бойцы в такую минуту, лично я в опасные минуты для нашей жизни невольно обращался к Богу и просил его спасти наши грешные души. Может быть, я боялся не за себя, а за этих молодых парней, которые ещё не видели жизни, не понимали её красоты, не испытали священных чувств любви. Ведь они были так молоды, так невинны, что казалось мне, Бог должен, даже обязан позаботиться о них, ну а заодно и чуточку обо мне, как их товарищу, испытывающему такие же невзгоды и лишения, как и они.

И тогда, в тот критический момент, отделявший нас от последней черты, мне показалось – свершилось чудо! Бог услышал мои мольбы: вдруг разрывы прекратились вокруг нашего подвала, а через дорогу в стане вражеских позиций начали надуваться пузыри пыли, которые разрывались огненными смерчами снарядов большого диаметра орудий, посылаемыми нашими артиллеристами с поймы Волги.

Как я после узнал, сержант пехотного взвода, у которого я был недавно, вспомнил мою просьбу и передал координаты наводки нашим артиллеристам, вот так и спас нас Господь в очередной раз от неминуемой гибели.

Наши кровные «соседи» – гитлеровцы с противоположной стороны – сегодня больше не беспокоили нас несколько часов, видимо, залечивали раны. Если подумать и мысленно подсчитать, то общие потери за сегодняшнюю ночь у них были ощутимы: только на асфальте лежало не менее двадцати автоматчиков, да прибавить к этому урон от артиллерийского залпа. Вот и выходило – силы наши были выровнены на этот момент, за исключением вооружения.

Обстановка в городе была смертельно напряжена, у нас же здесь, на нашем участке фронта, были только цветочки; самолёты врага непрерывно весь день бомбили промышленный район. Я видел, как стервятники один за другим пикировали над заводом «Красный Октябрь». Там был постоянно непрекращающийся кромешный ад. Грохот, огонь и пыль видны были и слышны нам издалека. Мы с замиранием сердца переживали за тех героев-мучеников, которые сражались там, отдавая свои жизни за этот священный жизненно важный клочок русской земли. Они становились в наших глазах бессмертными. Глядя на всё то, что проделывают

люди, чтобы уничтожить друг друга, подумал, что Прометей никогда не подарил бы людям огонь, если бы предвидел, что эти двуногие твари будут применять его друг против друга таким изуверским образом.

«Вот где подлинные герои, а мы – так, деталь», – думал я, задыхаясь от давящего спазмами кома в гортани, со слезами на глазах. От чего эти слёзы появились у меня, я не знал: может, от радости, что остались живы, а может, от жалости к погибающим товарищам.

Конечно, мы остались живы, а значит, продолжим борьбу с ненавистным врагом, значит, будет кому преградить путь к Волге. Для этого и стоим мы здесь, и стоять будем, пока бьётся сердце у нас в груди, пока мы вдыхаем этот горячий смрадный воздух в свои обожжённые лёгкие.

Ещё один жуткий день подошёл к концу, осветив всю безнадёжность нашего положения. Я лихорадочно искал выход, но полностью закрыть его у меня не получалось. Боеприпасы заканчивались, бойцов катастрофически не хватало, и, наконец, мы смертельно устали физически и морально. Нас постоянно мучили жажда и голод.

Днём, во время затишья, под прикрытием выступающих элементов ландшафта, рискуя жизнью, мы обследовали в который уже раз примыкающие к нам сады и огороды в поисках овощей и фруктов. Съели всё, что хоть как-то было пригодно для употребления в пищу и что можно проглотить, не рискуя отравиться. Настало время, когда сырые недозрелые тыквы и почти зелёные помидоры нам казались не столь противными и вполне съедобными. Обречённые на полуголодное выживание, мы слабели всё больше и больше.

Ермилин, подносчик патронов, обратился ко мне с просьбой отпустить его с целью поисков продуктов питания.

– Идите, Ермилин, но прошу вас, понапрасну не рискуйте, – попросил я его, прощаясь долгим взглядом на прощанье.

– Вот этого, товарищ командир, вы мне никогда не говорите, – хихикнул он и исчез в темноте.

Этот солдатик всегда вызывал у меня какое-то непонятное беспокойство и массу вопросов. Все его поступки будили во мне чувство недоумения и насторожённости. Скрытность его поведения привлекала к нему внимание не только моё, но и бойцов, сидящих рядом с ним в одном окопе. С другой стороны, его бескорыстность, граничащая с самопожертвованием для товарищей по оружию, к которым он относился с искренним уважением, подкупала и разоружала.

Осип, так звали Ермилину, никогда не ждал указаний; больше всего в трудную минуту, когда наступала она неотвратимо и угрожающе, шёл осознанно трудностям навстречу и с достоинством выходил победителем. Решения он принимал спонтанно, с какой-то радостной решимостью, особенно если они были сопряжены с риском. Почему-то мне казалось, что всеми своими подвигами ему хотелось доказать, что он человек достойный уважения. Будто прошлая жизнь угнетала его и всё время тяготила, и ходит он постоянно по лезвию острой бритвы, балансируя между жизнью и смертью. Каждому из нас, живущему под солнцем на этой святой и загадочной земле, жизнь предоставляет возможности самостоятельного выбора, куда идти, с кем и как поступать. Вот и Ермилин жил своими порывами, руководствуясь обстоятельствами и возможностями данного промежутка времени.

Я не знал, что он задумал сегодня, но чувствовал интуитивно, что он не подведёт. Отчего-то я доверял ему, хотя это доверие основывалось на абсолютном риске и слепом безрассудстве. Иначе и быть не должно, только доверие было залогом уверенности в наших успехах в этих смертельных мгновениях нашей жизни.

Ермилин отсутствовал в расположении взвода, наверно, более двух часов. Он появился перед рассветом так же тихо и внезапно, как и исчез. В его руках был большой мешок из рогажи, наполненный какой-то поклажей.

– Где это ты был так долго, Ермилин? – спросил я, хотя сразу догадался, куда он ходил.

– Я, товарищ командир, днём смотрю на лежащих немцев на дороге и думаю: «Лежат немцы, у каждого за спиной паёк, он им сейчас стал просто ни к чему, а у нас во рту ни росинки. Нехорошо это, не по-божески». Решил ночью реквизиловать. Вот я сходил и принёс всем пошамать, а то, смотрю, вы совсем потеряли боевой дух, – весело проговорил Осип, высыпая из мешка на пол подвала содержимое. Там оказалось несколько металлических ранцев, портсигары, электрические фонарики, бинокль, автомат. – Мог бы и больше принести, но фрицы что-то заподозрили, стали забрасывать осветительные ракеты, пришлось самому притвориться мёртвым и долго пролежать среди трупов в таком положении, а тут уж и рассветать стало, пришлось уносить ноги.

– Хорошо, что не стали стрелять, – заметил кто-то из бойцов.

– Нет, что ты, стрелять по своим, даже трупам, они не станут, – заверил Осип.

– Ермилин, ведь вы могли попасть в руки врага, так рисковать – это неслыханно! – стал возмущаться я, хотя в душе своей почувствовал фальшь и был рад этой удаче.

– Такого никогда не случится, товарищ младший лейтенант. За свою жизнь я столько рисковал, что глядится она для меня сплошным риском. А уж что касается убийства, особенно фрица, проще высморкаться, – сказав это, он неопределённо махнул рукой и наклонился над кучей принесённого.

Содержимое ранцев немецких солдат шокировало нас. Там были первосортные сухари, сало, консервы – рыбные и мясные, кофе, чай, сахар, шнапс, сигареты.

– Это вам, товарищ командир, – он протянул мне цейсовский бинокль и электрический фонарик.

Я растерялся от неожиданности и не знал, как поступить – принять или отклонить предложенные мне вещи. Поколебавшись, ответил:

– Спасибо, боец Ермилин, эти предметы мне нужны для общего дела, они помогут нам бить врага.

– Себя я тоже не забыл, – загадочно улыбаясь, проговорил Осип, извлекая из-за пазухи блестящий вальтер. – А это вам, ребята.

Он преподнёс каждому сослуживцу по электрическому фонарику.

– А теперь приступим к трапезе, желудок давно пустует, урчит и запекает песни...

После столь длительного голодания пища показалась настолько прекрасной и своевременной, что в голову полезли всякие бредовые мысли. Почему немцы, несмотря на удалённость её армии на такое значительное расстояние от своих рубежей, способны снабжать своих солдат всем необходимым? При такой заботе, конечно, грех выполнять свои обязательства ахти как, спустя рукава. А мы постоянно только и думаем, как бы чего пожрать да не сдохнуть с голоду. Война расслабила дисциплину, особенно интендантские службы. Командный состав, конечно, не чувствовал никаких проблем в снабжении, но вот касательно передовой, так там, как говорил товарищ Будённый, «конь не валялся». А в лошадях он разбирался, поверьте мне, не одни галифе в седле протёр!

Забили нам головы ложным патриотизмом – Родина, родная партия, долг. По сути дела, если разобраться, то верхушка этой самой партии эксплуатирует и Родину вместе с нами, олухами и рядовыми членами партии, как чёрных рабов; и мы ещё должны проливать свою кровь за эту неблагодарную мразь, да ещё и быть обруганными, голодными и презренными. Люди для наших правителей всего-навсего быдло; их так много – как грязи. Перебьют? Ещё нарожают – проблема легко восполнимая. Бабы у нас плодovитые – призовут, пообещают, и дело в дамках. Не раз так было, и не раз так будет.

Но эти рассуждения я держу глубоко в подсознании – трепещу от их дерзости даже сам. За эти вольности самая суровая кара – Сибирь и гибель не только мне, но и всему моему роду. Особенно сейчас, недаром НКВД в каждом полку денно и ночью выискивает неблагонадёж-

ных и всевозможных врагов народа. Малейшая оплошность, и лучшее, что ожидает провинившегося, – штрафбат.

Утро 25 сентября 1942 года было сразу же испорчено налётом вражеской авиации. После хорошего завтрака хотелось пить, но воды не было ни капли. Выпили по хорошему глотку шнапса, но это лишь усугубило положение – пить захотелось ещё сильнее.

Наш участок обороны остался командованием забытым. Видно, на других направлениях положение было ещё хуже. Нами никто не интересовался. Людей у меня не было, послать с докладом в штаб батальона о положении дел у меня во взводе – некого.

Глядя на лежащие на асфальте силуэты вражеских солдат, виднеющиеся сквозь повисшую удушающую гарь, смешанную с пылью, я задумался. Не может такого быть, чтобы немцы не позаботились о своих погибших товарищах и не попытались предать их земле. Трупы лежат под палящими лучами солнца уже вторые сутки и, по-видимому, стали разлагаться.

Днём наверняка фрицы не станут рисковать, а вот предстоящей ночью, именно ночью, попытаются осуществить операцию и вытащить из нейтральной зоны своих погибших солдат. Если логически рассуждать, то выходило: если к утру трупы останутся на дороге, то следует в тот же день ожидать на этом участке крупного наступления противника, которое заодно решит и эту проблему.

Этой терзающей меня мыслью я поделился со своими бойцами. Они одобрили идею организовать засаду возле дороги вблизи убитых немецких солдат сегодня же, как только стемнеет.

Вместе со мной нас осталось в живых от всего взвода шесть человек, ни посыльные, посланные мной для связи в штаб батальона, ни те два пулемётчика, которых я направил сопроводить раненого сержанта Кротова на переправу, назад не вернулись. Посылать на эту рискованную операцию людей и, может быть, даже жертвовать ими мне сильно не хотелось; упускать же такой благоприятный случай – грешно и неоправданно. И тогда я решил, что выполнять её должны добровольцы.

– Разрешите мне выступить на это задание, – заявил сержант Сердюков.

– И я пойду, – вызвался Ермилин, – дорога мне хорошо известна, я только что там был и вернулся, как видите, невредимым.

– Я согласен, только договоримся работать так: первыми в бой вы не ввязывайтесь, ждите момента, когда немцы начнут вытаскивать трупы и почувствуют полную безопасность своих действий. Несколько прицельных очередей и моментальный отход. Сразу за вами мы открываем пулемётный огонь, давая вам возможность покинуть опасную зону. Это приказ, – повысил я голос, – ясен он вам?

– Ясен, товарищ младший лейтенант, – отозвался Сердюков.

– Тогда приступайте к операции со всей осмотрительностью! Мы ждём вас живыми и невредимыми. Воевать скоро станет некому, – посетовал я на прощанье.

Я осознавал, что операция, которую мы затеяли, была чрезвычайно рискованной, но война не давала нам никаких шансов на тихую и блаженную жизнь, и поэтому каждый наш шаг в первую очередь был нацелен на победу, сопряжён со смертельной опасностью и угрозой для нашего существования. Это знал и осознавал каждый боец, исходя из реалий происходящего, и готов был идти до конца, несмотря на всевозможные риски и опасности.

Внутреннее состояние моей души в такие минуты наполнялось скорбью и горькими, режущими глаза слезами от одной только мысли о тех безвозвратных потерях своих товарищей, которых я видел вот только что стоящими рядом и ушедших порой так нелепо в бездну неизвестности в вечность.

Ночь уже набирала осязаемую зрелость, обволакивая своей мглой окружающее нас пространство. Утомлённое сознание погружалось в какое-то иллюзорное состояние. Лишь яркие звёзды, взирающие из глубин необъятного космоса своей неисчислимостью и необыкновенной загадочностью, и кажущаяся такой родной луна, да непосредственный атрибут войны – вспышки

осветительных ракет – приводили сознание к реалиям текущего момента. Ракеты гасли, и вновь всё погружалось в ещё более беспросветную тьму после их затухания. Время, как зачарованное, тянулось мучительно медленно, как всегда бывает, когда ждёшь. Глаза слезятся и начинают слипаться от напряжения и постоянного недосыпания. Веки сомкнулись, вздрагивая от нервной натуги, сознание куда-то покатило в беспечную даль, позабыв обо всём на свете.

Эти блаженные минуты сладостного небытия не были столь беспечны, как нам казалось, так как незримо всё это время бодрствовал внутренний дух слуха, продолжая держать часть подсознания на нотке высочайшей бдительности. Такое состояние вырабатывается в постоянной тревоге и опасности в периоды крайней угнетённости, дабы оградить организм от угроз болезней и нервных срывов.

Вдруг в воздухе повисла мёртвая звенящая тишина, разразившаяся в сознании подобно грому; сон с меня сдуло, словно ветром, я был бодр и свеж. Я стал всматриваться в темноту ночи в ту сторону, где немедленно, в сию секунду должно разразиться противоборство со смертельным исходом. Но там ничего не происходило и было тихо по-прежнему. Подозрительно, но фашисты перестали выбрасывать осветительные ракеты. К чему бы это?

Минуты потянулись ещё мучительнее. Я нутром почувствовал, что задуманное нами приступило к воплощению в жизнь, и тихо скомандовал:

– Приготовились!

Сразу после того как я услышал прерывистые очереди из автоматов Сердюкова и Ермилина и следом за ними ответную беспорядочную стрельбу со стороны немцев, я отдал резкий приказ:

– Огонь!

Три слаженных пулемёта застучали яростную дробь по целям вражеских позиций, откуда струились в ночи фейерверки немецких трассирующих пуль. Сердце моё ликовало. Я чувствовал, что мы сорвали план врага и нанесли ему очередной урон. Правда, радость моя была неполной до тех пор, пока я не увидел вернувшихся с задания целыми и невредимыми своих бойцов. Я тут же приказал прекратить вести огонь и всем укрыться в подвале.

Следом за этим со стороны гитлеровцев начался яростный обстрел со всех видов огневых средств. Ночь поглотила наши ориентиры, поэтому эта ярость особенно не причинила нам почти никакого вреда, разве что помешала отдохнуть в очередной раз да навеяла страху и душевных волнений за возможную гибель от прямого попадания снаряда или мины.

Сержант Сердюков, сидя на полу в подвале, рассказал нам подробно о проведении операции:

– По изученному маршруту Ермилина мы пробрались к самому проспекту Ленина и залегли в траншее, которые мы же и вырыли в первый раз, как раз напротив разбросанных трупов немцев на асфальте. Лежим, а дышать просто нечем – воздух насыщен смрадом разлагающихся трупов. Скажу вам откровенно, что славяне не так дурно воняют, как немцы. Ведь право, наши солдатики – скелеты. Кости разве будут так отвратительно вонять? Другое дело немцы – жирные, как боровы, там одного дерьма килограммов тридцать. Вот поэтому и вонь.

– Ладно, Сердюков, ближе к делу, оставь эти подробности на потом, – предостерёг я сержанта от пустопорожнего разглагольствования.

– Я и говорю, товарищ младший лейтенант, правильно и делают наши снабженцы, что не балуют нас разными изысками да разносолами – не будем так вонять в случае чего...

– А чем занимался Ермилин в это время? – спросил я.

– Рядовой Ермилин – герой. Пока я высматривал позицию в темноте, он незаметно пробрался к разбросанным по земле трупам и «одолжил» у них ручной пулемёт с боекомплектom и две гранаты. Не забыл также тормозок с сухим пайком. Мы долго там сидели, но к пище так и не притронулись, и всё из-за проклятой вони. – Сердюков замолк, его передёрнуло от тех жутких воспоминаний, и, обратившись ко мне, попросил: – Пусть дальше рассказывает Ерми-

лин. Я больше не могу. Да и рассказывать больше нечего, по-моему, всё произошло на ваших глазах.

– Осип, расскажи, что было дальше, – пристал к Ермилину Эйхе, подносчик патронов. По национальности он был уроженцем Эстонии, но перед самой войной родители его переехали жить в Ленинград. Разговаривал он плохо на русском языке, без улыбки слушать его было нельзя. Пареньку было немногим больше двадцати лет, с открытым сердцем, простодушным и откровенным нравом. К нему все относились почему-то снисхождением.

Осип долго не стал упираться и продолжил повествование сержанта Сердюкова:

– Было темно, когда мы незаметно приползли к месту назначения. Сержант стал разыскивать место наиболее удобное в тех траншеях, которые мы отрыли в первую ночь нашего пребывания там. Трофейный свой автомат я отдал сержанту, сам же остался с карабином. И тут я вспомнил, что видел ручной пулемёт у одного убитого фашиста, когда ходил за продуктами, ну, тихонько выполз на асфальт и завладел им. Мой поступок одобрил сержант – вооружены мы были теперь отлично и готовы были принять достойный бой. Пришлось сидеть долго, вонь действительно просто душила нас; мы сделали повязки из какой-то тряпки, только толку от этого оказалось мало. И вот под утро я почувал по каким-то внешним признакам или просто внутренним инстинктом, что немцы начнут операцию по вызволению своих мертвецов из нейтральной зоны именно сейчас, и предупредил об этом сержанта. Как раз в этот момент по земле потянуло предрассветной прохладой и трупный запах куда-то улетучился – пропал, видимо, поднялся выше; дышать стало легко и свободно, будто и войны не стало. Только мы продышались, а тут видим, выползают из кювета на край дороги эти гады. Мы сидим, оцепенев от нетерпения, ждём, когда их станет больше. А они обнаглели до такой степени, что стали подниматься во весь рост, ведь тащить такую ношу трудно, да ещё в таких невыносимых условиях, около трупа дышать, наверно, просто нечем. Подождали мы ещё немного и с расстояния менее тридцати метров открыли огонь по этой копошащейся массе врагов. Такой панической чехарды мне не доводилось видеть: одни поспешно бросали свои ноши и, пригнувшись, устремлялись вон, другие падали, прячась за трупами, третьи, прикрываясь покойником, – и откуда бралась только сила? – стремглав кидались в укрытие. Сколько фрицев мы уничтожили, не знаю, не успели сосчитать, но шороху среди этих храбрецов мы наделали, я вам скажу, предостаточно – это точно!

– Сержант Сердюков и рядовой Ермилин, от своего имени я объявляю вам благодарность и буду ходатайствовать перед командованием о награждении вас правительственными наградами, – закончил я, как командир взвода, этот эпизод боевой жизни подразделения на сталинградской земле.

Меня распирали гордость за проделанную операцию, в моей куриной голове мерещилось бог знает что, я даже не мог представить, что именно, но думал, что на наш подвиг – да, да, именно подвиг, а не иначе! – командование должно обратить особое внимание.

С другой стороны, мне было стыдно от этих эгоистических мыслей. Когда Родина в глубокой опасности, мы просто обязаны, несмотря на мелочные обиды, причиняемые нам нерадивыми негодьями и трусами, которых в общей сложности в рядах защитников отечества было не так уж и много, сделать всё возможное для её освобождения. Более того, как это делали и не единожды на протяжении всей истории Руси наши героические предки, пойти на все риски, не щадя живота, но отстоять Отечество от поработителей для наших грядущих потомков во имя их счастья и светлого будущего. История рассудит и оценит нас и наше время, наши страдания и невзгоды, которые мы испытали в эти трудные и грозные времена.

Сама полуголодная жизнь, жестокая борьба с врагом, умение предвидеть её хитросплетения, обогащала нашу мудрость, придавала силы и опыт, делала нас закалёнными бойцами с нестигаемой волей к победе правды над злом. День ото дня мы становились не только злее, но и опытнее, готовые преодолевать любые невзгоды и тяготы, которые любой солдат мира

не способен преодолеть. Мы становились непобедимыми! Даже умирая, мы падали вперёд, как бы своим телом увеличивая победу на величину своего тела.

С рассветом я почувствовал, что немцы не на шутку обозлились. Пронзительный вой мин и свист пуль вскоре сменился на рёв вражеских бомбардировщиков, которые конвейером сбросили на наш укреплённый клочок земли несметное количество бомб.

Нас осталось вместе со мной шесть человек. К этому времени мы откопали неглубокий лаз к оврагу и на его склоне узкую глубокую щель, где и прятались во время массированных авианалётов. Бомба по склону скользила вниз, там и разрывалась, не причиняя нам никакого вреда. Как только авиация противника улетала, мы возвращались в свой неуязвимый подвальныйчик.

До моего слуха донёсся новый неизвестный мне звук выстрелов, напоминающий какой-то загробный скрип. Это, как я позже узнал, звуки выстрелов многоствольного немецкого миномёта «ванюши». Вслед за звуками последовали каскады взрывов. Это означало только одно, и оно не сулило нам ничего приятного. Значит, на нас обратили фашисты особое внимание и они не остановятся, пока не сотрут нас с лица земли.

Земля содрогалась и стонала в унисон чудовищным разрывам. Воздух наполнился удушливым запахом горелого смрада, смешанного с пылью, разъедающего гортань и глаза. Полыхали уцелевшие постройки и всё то, что могло воспламеняться. Свист пуль и осколков смешивался с визжащим воем мин и шуршащим полётом снарядов. Добавьте сюда колоссальной силы разрывы, сеющие разрушения и смерть. Кромешный ад, страшнее которого ещё не знало человечество.

В этот момент мы сидели в глубоком подвале, прижавшись друг к другу. Как только обстрел переносился на другой участок нашей территории, мы сразу бросались к выходу и из укрытий, заранее приготовленных, вели наблюдение за действием противника, боясь пропустить неожиданное наступление врага. Мы твёрдо знали, мы являемся единственной преградой, прикрывающей своими телами дорогу к Волге!

После обеда немного утихло. Я написал краткое донесение, в котором описал последние действия остатков взвода, просил подкрепления и продовольствия. К тому времени мы не получали ни питания, ни военного снаряжения уже трое суток.

С этим поручением я направил в штаб батальона рядового Ермилина; в такой ситуации я почему-то доверился только ему, способному выполнить такое трудное поручение, учитывая дневное время суток. Спасением и оправданием моего решения было то, что местность была сплошь изрыта воронками и загромождена природными укрытиями и предметами хозяйственного назначения, дающим незаметно ускользнуть от зорких глаз вражеских снайперов. На обратном пути я просил Ермилина принести как можно больше воды.

От нашего подвала к установленным по сторонам двум боковым пулемётам вели неглубокие траншеи – ходы сообщения, вырытые нами, по которым мы добивались до оружия ползком. В некоторых местах они были засыпаны выброшенной землёй взорвавшихся мин и снарядов недавнего артобстрела, и нам предстояло восстановить их. Мы рисковали попасть под прицел вражеских снайперов. Работа была тяжёлой и неудобной. Копать приходилось лёжа, а землю потом сдвигать в воронки. Один из пулемётов взрывной волной был опрокинут и лежал на боку. К нашей радости, он оказался невредимым, даже вода в нём сохранилась.

Очень хотелось есть, но больше всего на свете в данный момент – пить. У нас оставалось немного воды для экстренной необходимости. Приходилось терпеть, что было невыносимо.

Время от времени в период кратковременного затишья мы находили на заброшенных огородах бывших владельцев полужелтые помидоры, тыквы и даже картофель, но разводить костёр было чрезвычайно рискованно, ведь по следам дыма нас сразу же вычислят и моментально накроет вражеская артиллерия. Таковы законы войны: неумолимы, и бессер-

дечны, и подчинены строгой необходимости и целесообразности. Их нужно постоянно помнить и руководствоваться ими, если захочешь выжить и победить неприятеля.

Постоянное голодание, отсутствие воды усугублялось и недосыпанием. Мне повезло, как я уже говорил, я мог довольствоваться кратковременными отключениями организма для отдыха, даже во время движения я изловчился восстанавливать свои силы, но по истечении приблизительно трёх – четырёх суток усталость накапливалась, и требовался хороший полноценный отдых.

Во время затишья я время от времени лично проводил разведку в сопровождении связного на левом и правом флангах с целью изучения боевых возможностей соседей. На сей раз с левой стороны я не обнаружил присутствия второго взвода ни мёртвыми, ни живыми, что сильно озадачило меня. С правой стороны держал оборону мой старый знакомый сержант, командовавший остатками пехотного взвода.

– Здравия желаю, товарищ младший лейтенант, – обрадовался сержант, увидев меня, – рад, что вижу тебя живым и невредимым.

– Я также рад видеть тебя во здравии и хочу поблагодарить тебя за вызов огонька в нашу защиту с того берега, – с искренностью пожимал я заскорузлую руку сержанта.

– Мы отступаем сегодня ночью метров на сто, а вы? – сразу поинтересовался он.

– Нам такого указания никто не давал. Была дана одна установка: «Ни шагу назад, стоять насмерть». Вот мы и стоим, и стоять будем, пока не получим новых директив, – растерялся я, начиная понимать, куда исчез второй взвод пулемётчиков.

– Дело в том, что мы оказались на выступе и можем попасть в окружение немцев ввиду нашей малочисленности. Пополнения ждать не приходится – его не будет. Чтобы выровнять линию обороны, нам и приказано отступить на второй ряд оборонительных укреплений.

По пути в расположение своего подвала я прополз дальше по траншеям второго взвода к расположению третьего взвода. И каково же было моё удивление, когда я обнаружил, что окопы и блиндажи были пусты. Всё находилось в разорении и полной разрухе. По всему было видно спешное отступление: валялось казённое имущество, нераспечатанные коробки с патронами и даже брошенный полузасыпанный землёй пулемёт. Я заглянул, видимо, в командирский блиндаж – в тёмном углу стоял заплечный, немецкого образца, военный термос, а за ним проглядывал новенький вещевой мешок, наполовину чем-то заполненный.

Я приказал рядовому Абрамову, сопровождавшему меня:

– Илья, проверь, что там, – указал я на термос.

Он торопливо вскрыл термос и ахнул.

– Вода... товарищ командир...

Это было потрясающее и маловероятное известие, от которого я с живейшим волнением облизал пересохшие губы и красноречиво отдал распоряжение глазами. Абрамов зачерпнул воды в свой котелок и протянул мне.

– Пей, боец, я поплю после, – осиливая мучительную жажду, возникшую как-то вдруг, я преодолел с величайшим напряжением. Пока он наслаждался, я наполнил свой котелок и тоже стал пить. Блаженство разлилось по моему телу, наполняя каждую обезвоженную клеточку организма невероятной усладой после двухдневных мук. Я стал пить медленными глотками с перерывами, в которые неторопливо заливал в свою фляжку эту бесценную жидкость. Увидев это, Абрамов последовал моему примеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.